

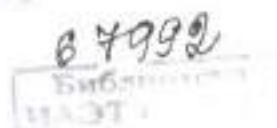
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра археологии и этнографии
ЛАБОРАТОРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НИЧ НГУ
НОВОСИБИРСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «Сибирь – Наука: XXI век»

**Евразия:
культурное наследие древних цивилизаций**

Выпуск 3

Парадоксы археологии

Сборник научных статей

Новосибирск
2004

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	4
<i>Воронин В. Т.</i> ПАРАДОКСЫ ПАРАДИГМЫ ВРЕМЕНИ: очевидные и скрытые	8
<i>Холушкин Ю. П.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА: парадоксы классификационного движения	20
<i>Волков П. В.</i> ПРИМИТИВНЫ ЛИ ДРЕВНЕЙШИЕ КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ?	34
<i>Волков П. В.</i> СТРАННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ	47
<i>Волков П. В.</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОЭФФИЦИЕНТА ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ГАЛЕЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА	54
<i>Ташак В. И.</i> ДРЕВНЕЙШЕЕ ВЫБИТОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ НА КАМНЕ И ЕГО СЕМАНТИКА	68
<i>Митько О. А., Кержаев А. М.</i> «ШАМАНСКАЯ КОСТЬ»	74
<i>Алкин С. В.</i> ЭТИ СТРАННЫЕ «КРЫЛАТЫЕ ПРЕДМЕТЫ»	80
<i>Готлиб А. И.</i> ФЕНОМЕН СИБИРСКИХ «СВЕ»	88
<i>Бородовский А. П.</i> ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ ВЕЩЕВОГО КОМПЛЕКСА БЫСТРОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА	98
<i>Соловьев А. И.</i> УТРАЧЕННЫЙ ОБРАЗ ИЛИ ОБРЕТЕННАЯ ИЛЛОЗИЯ?	102
<i>Ларичев В. Е.</i> ПАРАДОКСЫ ВРЕМЕНИ (к проблеме характера религии тагарской культуры)	113
<i>Комиссаров С. А.</i> НОВЫЙ МОГИЛЬНИК ДЯНЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЯНФУТОУ (провинция Юньнань, Китай)	142
<i>Варенов А. В.</i> ПАРАДОКСЫ СКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ ОРДОСА И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ СЮННУ	150
<i>Митько О. А.</i> ТАШТЫКСКАЯ КРЕМАЦИЯ И МУМИФИКАЦИЯ	164
<i>Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа</i> ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПАРАДОКСЫ РАЗВИТИЯ ОРУЖИЯ НОМАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (сравнительный анализ комплексов вооружения хунну и сяньби)	181
<i>Нестеров С. П.</i> НЕКОТОРЫЕ «ЗАГАДКИ» СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ВОСТОКА АЗИИ	196
<i>Лбова Л. В., Жамбалтарова Е. Д.</i> АРХИТИПЫ В ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЕ (дихотомия сознания в материалах раннего неолита Забайкалья)	200
<i>Библиографический список</i>	211
<i>Список сокращений</i>	232

ПАРАДОКСЫ ВРЕМЕНИ
(к проблеме характера религии тагарской культуры)

*Многие вещи нам непонятны
Не потому, что наши понятия слабы;
Но потому, что сии вещи
Не входят в круг наших понятий.*

Козьма Прутков

«Страна слепых»

Статья эта предназначалась для другого издания. Но, получив приглашение принять участие в сборнике статей, нацеленном на раскрытие давно волнующей меня темы «Парадоксы в археологии», я без колебаний сменил место печатания своего сочинения. А все дело в том, что его сюжет, посвященный проблеме восприятия Времени творцами одной из блестящих культур Алтае-Саянской горной страны, как раз отвечает с точки зрения нормальной (т. е. традиционной – вещеведческой, классификационной) археологии критериям парадоксального (в аспекте *немыслимого, абсурдного*). Помимо того, издание с таким девизом предоставляет редкую возможность поговорить об одном, в особенности экзотическом варианте парадокса, следствия которого отнюдь не красят науку о древностях, возбуждая вполне оправданные сомнения у строгих по части точности выводов естествоиспытателей – *можно ли всерьез воспринимать археологию наукой, если ее служители не считают Время фундаментальным компонентом культуры?*

При поверхностном рассуждении тема восприятия предками Времени и его рационального использования себе во благо не должна относиться к разряду парадоксальных. Ведь по здравому размышлению любого из тех, кто не осведомлен о догмах вещеведческой археологии, культуры любого этапа первобытности, от древнекаменного века до эпохи раннего средневековья (дописьменная история, положим, той же Сибири), невозможно вообразить без способности их творцов воспринимать два основополагающих компонента Бытия – *ритмы течения Времени и координаты Пространства, бескрайностей Мира*, в котором проходила жизнь каждого члена архаического сообщества от появления человека на свет и до его ухода в Небытие. Речь идет об умении создателей любой культуры (если они, в самом деле, творили «упорядоченность», т. е. культуру, а не беспредел и хаос) отслеживать поступательные шаги Времени, подстраивая к ним нескончаемую череду своих производственных, бытовых и культово-обрядовых дел. Речь идет о внимании их не только к Земле, обители своей, но и к пространству вне ее границ. Это означает обращение взора предка к «Миру Верхнему», к Небу и светилам, к Луне, Солнцу и планетам, т. е. к «мерилам» того самого Времени, которое всецело предопределяет обстоятельства Бытия Вселенной и всего заключенного в ней, в том числе, конечно же, живой материи, а в ней – венца творений Природы – мыслящего существа (Ларичев, 1989, 1993а, 1993б, 1999).

Такой ход размышлений наивен. История традиционной археологии демонстрирует прямо противоположное – подавляющее большинство ее адептов отвергают идею давности внимания предков к Небу, осознанного восприятия ими ритмики явлений «Верхнего Мира», которые отражались в чередующихся закономерностях событий земных, и упорядочение замеченного, что, в частности, находило отражение в конструировании поразительно остроумных счетчиков времени. Это и есть одно из ярких проявлений на-

парадокса, о котором шла речь. Такой *парадокс* зародился в археологии в начале ее становления, и объясняется он просто – неадекватным восприятием теоретиками вещица ума, способностей и жизненных целей древних людей.

Чтобы убедиться в справедливости сказанного, перелистаем бегло особо драматические страницы истории становления астроархеологии и палеокалендаристики, антиподов классификационной археологии, *вне интересов которой находится интеллект и духовность творцов ранних культур*. В этих историях исходное место занимает судьба Буше де Перта, первооткрывателя палеолита Евролы и образцов искусства малых форм, изготовленных из камня (Boucher de Pertes, 1857). Интерпретируя смысл последних, он объяснял появление искусства зарождением у «Человека Природы» «идеи божества», отражением в образах художественного творчества его помыслов *не материальных и физических, а тех, что обусловлены «необходимостями духовными» и «потребностями мышления»*. По мнению Буше де Перта, «народившиеся люди» «допотопных времен» *освоили счет*, почитали «ощутимое» или «видимое», *в том числе «Солнце, Луну и звезды...»*. И тут остается лишь удивляться, с каким простодушным спокойствием полтора века назад «отец палеолитоведения» высказывал мысли о том и другом, мысли, которые вещевед современного палеолитоведения воспринимает курьезом, простительным для времени эмбрионального состояния археологии!

Потребовалось немногим более пяти лет, чтобы археологи Европы убедились в справедливости заключения Буше де Перта о существовании «Человека Природы», а также в *его способности считать и творить искусство*. Подтвердили то и другое раскопки Э. Лартэ (Lartet, Christy, 1875), который первым высказал идею о возможном отражении в строчках насечек на костях не просто неких «счетных единиц», а *календарных записей*. Далее последовали открытия Альтамиры, пещерного храма с живописью (Sautuola, 1880; см. также Vilanova у Piera, 1881), и первых захоронений людей древнекаменного века. То и другое было из ряда вон выходящими свидетельствами *неординарного восприятия «Человеком Природы» окружающего мира* (Riviere, 1887).

Все эти открытия были оценены вещеведами как очевидные *парадоксы*, явное следствие работы непрофессионалов или лиц в науке безответственных, выводы которых противоречили *здравому смыслу*, ибо не соответствовали представлениям традиционной археологии XIX в. о людях древнекаменного века. Такие представления обосновывал, насаждал и настойчиво «бетонировал» в археологии палеолита вульгарный эволюционист Г. де Мортилье, принципиальный противник высокой степени разумности *Homo sapiens* эпохи первобытности. Это на его совести долгий кураж над доктором Марселино Сана де Саутуолой, первооткрывателем пещерной живописи палеолита (Sautuola, 1880), и Эмилем Ривьером де Прекуром, первооткрывателем погребений того же времени и первой во Франции пещеры с палеолитическими росписями и гравюрами (Дя Мут; см.: Riviere, 1897). Г. де Мортилье относился к тем мэтрам археологии Европы конца XIX в., которые в своей деятельности руководствовались сомнительной ценности постулатом – *идеи сильнее фактов* (в случае с ним *реальность* пещерной живописи и *факт* захоронения людей в древнекаменном веке ставили под сомнение его чистой воды *идею безрелигиозности троглодита*, и потому то и другое *отвергалось им как противоречащее здравому смыслу*).

Парадоксально, но постулат Г. де Мортилье сохранял свою действительную силу в палеолитоведении на протяжении всего XX в., и, судя по всему, несть числа его сторонникам в начале нового века и тысячелетия. Так, издевательскими насмешками были встречены в первые два десятилетия XX в. статьи и книга М. Бодуэна, *посвященные поискам доказательства глубоких астрономических знаний палеолитических людей* (Baudouin, 1926). Осталась вне внимания отечественных искусствоведов палеолита блестящая идея К. Хентце *о знаковых записях эволюций фаз Луны на мальтийской пла-*

стине (Hentze, 1932). Не востребоваанными доселе остаются статьи и книги А. Маршака, посвященные календарным знаковым запискам на объектах искусства малых форм Западной и Восточной Европы (Marshall, 1964, 1970, 1972), а также статьи и книга М. Раппенглюка, посвященные звездной астрономии древнекаменного века (Rappengluck, 1999, 2000). А не парадоксален ли факт, что из клана палеолитоведов России лишь один О. Н. Бадер (Бадер, 1978) спокойно воспринял идею внимания людей древнекаменного века к Небу и Луне, посвятив в своих публикациях особые разделы счету и календарям ледниковой эпохи?

В этой связи ничего, кроме недоумения, не вызывает позиция тех, кто представляет в отечественной археологии искусствоведение палеолита, т. е. деятелей, напрямую ответственных за разработку проблем уровня интеллекта и духовности *Homo sapiens* плейстоценовой эпохи. Судя по блестящему отсутствию в списках литературы, которой они обычно пользуются при реконструкции того и другого, публикаций, допустим, А. Маршака и М. Раппенглюка, палеокалендаристика и палеоастрономия «не входят в круг понятий» специалистов. Парадоксально, но это вовсе не означает, что понятия о том у них, как говаривал К. Прутков, слабы или они вовсе для них «непонятны». Со всем напротив, по всем признакам понятия о том входят в круг их интересов, если они позволяют себе неотразимые по силе доказательства А. Маршака оценивать как сомнительные, «непроверяемые» или «неубедительные». Опасаюсь, однако, что к оценкам таких суждений, которые не сопровождаются предъявлением доказательств (а их, убежден, и быть не может при неосведомленности искусствоведов палеолита в астрономии и календаристике), вполне применима еще одна, помимо представленной эпиграфом, мудрость известного в Отечестве философа: «*Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют. Так: не зная языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое было бы неосновательно и глупо?*» (К. Прутков, 1987, с. 80, 82).

Раскрою тайную подоплеку нескончаемых обвинений адептами традиционной археологии, направленных в адрес лидера палеокалендаристов древнекаменного века, в сомнительности (неубедительности, непроверяемости, непрофессионализме и другом, в чем хотите): противники астроархеологии в палеолитоведении принципиально не принимают того, что утверждает А. Маршак (*предок отслеживал небесные явления и Время*).

Поэтому остается лишь констатировать очевидное:

это – позиция, когда во спасение догм игнорируются факты;

это – позиция, установки которой определяет страх перед истиной, уничтожающей до основания то, чему искусствоведы палеолита поклоняются полтора столетия как откровениям господним.

Такая позиция означает парадоксальное: через полтора века изучения специалистами культур древнекаменного века предпочтение отдается восприятию предка ледниковой эпохи глазами Г. де Мортилье, а не Буше де Перта, который, удостоившись чести игнорирования и замалчивания своих деяний сообществом вешеведов, полтора века назад раздумывал о «Человеке Природы» в стиле современного археологического «авангарда» – утверждал его умение воспринимать числа, размышлял о внимании предка к Небу, Солнцу, Луне и звездам, высказал идею о давнем зарождении в его голове мыслей о Боге. Стоит, впрочем, войти в сложное положение служителей традиционной археологии и отнестись к ним с пониманием. Им трудно смириться с тем, что существо, которое изготавливало из речных галек чудовищно примитивные (по сравнению с нынешним промышленным инструментарием) орудия, считало, видите ли, неизвестно что, смотрело на Небо, удосужилось заметить в его просторах Луну и Солнце и даже стремилось гармонизировать ритм своей жизни с Природой.

Но парадокс заключается в том, что не в лучшем обличье видятся вещеведу и творцы культур эпох, совсем близких современности – неолита, энеолита, бронзы, раннего железа и даже средневековья. В этой связи обратимся к одной из самых трагических страниц истории астроархеологии – к эпохее, которую пережил ее «отец-основатель» Джозеф Норман Локьер.

Для начала обратим внимание на шаблонный прием компрометации астроархеологов представителями классификационной археологии: они неизменно представляют своего противника в подчеркнуто карикатурном виде и свете – дилетантом, одержимым завиральной идеей, личностью «не от мира сего», персоной сомнительной репутации по части «здравости рассуждений» и т. п. В случае с Н. Локьером такой номер пройти никак не мог, ибо он был выдающимся организатором науки Англии, действительным членом Королевского общества (АН Британии), секретарем Правительственной комиссии по науке, сотрудником Отдела искусств и науки научного общества Южного Кенсингтона, профессором астрофизики Королевского колледжа, директором Обсерватории солнечной физики, почетным членом Парижской и Петербургской академий, руководителем десятка экспедиций, которые на протяжении последней четверти XIX в. отслеживали полные солнечные затмения в разных местах Старого Света, разработчиком новых спектроскопических методов наблюдения протуберанцев Солнца, первооткрывателем гелия на Солнце, исследователем связей между погодой на Земле и солнечной активностью, создателем оригинальной гипотезы эволюции звезд, организатором и первым редактором журнала «Nature», самого авторитетного донныне издания в мире науки, напечататься на страницах которого – мечта любого ученого нашего времени.

Я преднамеренно перечислил все это, чтобы стал очевидным парадокс неуважительного отношения служителем традиционной археологии к взглядам такого ранга представителя точных наук. Это мое желание тем более оправданно, что Н. Локьер был ученым, который не ограничивал свои научные пристрастия астрофизикой. Как человек на редкость широких интересов, в том числе и гуманитарных, он, волею судеб, обратился однажды к занятиям в области, полярно противоположной астрономии. Парадоксально, но его увлекла самая заземленная из наук – археология. Но и в новой для себя сфере увлечения Н. Локьер остался верен главному делу жизни своей – он не оставил в забвении Солнце. Читая сочинения, посвященные древним культурам Англии, и детально изучая фольклор страны, Н. Локьер в полном соответствии со своими интересами пристальное внимание уделял фактам, которые подтверждали *поклонение древних самому яркому из светил*. Это увлечение в значительной мере окрепло после того, как в марте 1890 г. он побывал на отдыхе в Греции, где при осмотре храмов старого и нового Парфенона обратил внимание на то, что *их оси ориентировались на горизонт по разным азимутам*. Замеченное настолько поразило Н. Локьера, что он начал осматривать под тем же углом зрения другие храмы Афин и столичных окрестностей, в частности знаменитый Элевсинский храм. Как выяснилось, направление осей культовых строений на горизонт примечательным образом варьировало. Особое любопытство Н. Локьера по части замеченного станет понятным при учете обстоятельства весьма существенного – он знал, как строители ориентируют оси церквей – *обязательно в направлении точки восхода Солнца в тот день, когда происходило празднество в честь того святого, которому посвящался храм*. Н. Локьер сделал вывод, что и греческие храмы *сооружались с учетом тех же астрономических по характеру соображений*.

Тогда же у Н. Локьера зародилась гипотеза, что сходные закономерности определяли действия и египетских зодчих при закладке строений, посвященных великим богам страны Хати. Такая идея требовала проверки. Вот почему в ноябре того же 1890 г. астроном отправился в Египет и оставался там, с небольшим перерывом, до марта 1891 г. Результаты изысканий превзошли все его ожидания. С самого начала при об-

следовании, как выразился позже Н. Локьер, «самых величественных развалин в мире — храма бога Солнца Амона-Ра в Карнаке» ему удалось установить, что ось храма, длиной около 500 ярдов, ориентирована на 26° к юго-западу — на точку, где *Солнце заходит в день зимнего солнцестояния*. Произведя соответствующие расчеты с учетом изменений наклона эклиптики (пути Солнца) за минувшие тысячелетия, Н. Локьер установил, что около 2700 г. до н. э. *последние лучи Солнца, нижний край которого касался в тот миг горизонта, проникали внутрь храма Амона-Ра, достигая самой дальней точки оси святилища*. Расположенный на ее линии постепенно сужающийся проход астроном принял за своего рода диафрагму телескопа, направленного на дневное светило.

Один за другим осматривал Н. Локьер наиболее впечатляющие храмы Древнего Египта, определяя каждый раз с максимально возможной точностью ориентацию длинных осей каждого из святилищ. И всякий раз оказывалось, что постройки сооружались с учетом *ночного восхода или захода определенных звезд*, которые могли определять часы ночи, или, что было особенно важно с точки зрения начала храмовых служб, *восхода звезд, предваряющих на час появление Солнца из-за горизонта*. Так, первое «явление» из-за восточного горизонта звезды после семидесяти дней ее отсутствия считалось сигналом для начала ритуала, предшествующего главному празднеству. И вот, что самое поразительное: семь из осмотренных Н. Локьером храмов оказались ориентированными на ту самую точку горизонта, где *накануне дня летнего солнцестояния перед восходом Солнца впервые после семидесяти дней отсутствия появлялась особо чтимая в Египте звезда Сотис-Изида, Сириус*, что предвещало разлив Нила и один раз в 1460 лет знаменовало наступление египетского Нового года *в начале последней декады июня*.

В ходе работы Н. Локьер неоднократно беседовал с археологами и египтологами, в том числе с выдающимся египтологом XIX — начала XX в. Э. Баджем, *интересуясь, помимо вопросов специальных, изучают ли историки культуры храмы с учетом заложенных в их структурах точных астрономических знаний*. Его любопытство *встречало у большинства египтологов недоумение*. Но, к счастью, Министерство общественных работ Египта, озадаченное результатами его наблюдений, приняло решение (возможно, под воздействием Э. Баджа) оказать содействие исследованиям и назначило в помощь Н. Локьеру будущего директора Музея науки Х. Г. Лайонса. Весь 1892 г. Лайонс посвятил изучению древних храмов страны Хапи по методике, *направленной на выявление отраженных в конструкциях святилищ астрономических знаний*. В начале 1893 г. Н. Локьер снова прибыл в Египет для ознакомления с результатами работы Х. Г. Лайонса, а уже через год в Англии вышла из печати книга Локьера «Заря астрономии» (см. переиздание — Lockyer, 1964). Кроме того, в разных городах страны он прочитал серию лекций, посвященных проблеме ориентаций древних храмов.

Итак, размышления относительно возможных принципов ориентации в пространстве культовых сооружений позволили Н. Локьеру заметить в созданных тысячелетия назад святилищах то, *что и следовало увидеть ему, профессиональному астроному*. В них поистине на поверхности проступало нечто важное, *оказавшееся, к его удивлению, вне внимания историков культуры*. Это многозначительное «нечто» стали позже называть *«астрономическими аспектами археологических памятников»*. Н. Локьер понял, что ему посчастливилось соприкоснуться с истоками не только его науки — астрономии, но также математики. А достаточно основательное знание мифологии, культов, связанных с небесными светилами, и древних календарей привело его к весьма значительным культурно-историческим выводам. *Он усмотрел в сухих «астрономических аспектах археологических памятников» ключ к познанию самых сокровенных сторон интеллектуального мира древних, к уяснению сути и подосновы их религиозных пред-*

ставлений и к раскрытию глубины проникновения первобытного человека в тайны Природы.

Обращение астрофизика Н. Локьера к столь сложным сюжетам культурной истории — шаг, не лишенный рискованной смелости, ибо его книгу, как и лекции, встретили не однозначно. Археологи язвили: *при столь огромном количестве звезд на Небе храмы неизбежно оказываются направленными своей осью на какую-нибудь из них*. Однако Н. Локьер спокойно парировал этот, кажется, неотразимый, с точки зрения гуманитариев, довод со сногшибательной профессиональностью, для них неожиданной: *не на «какую-нибудь», а лишь на восемь звезд ориентировались древнеегипетские храмы, и то были именно те звезды, с которыми соотносятся боги, упомянутые в храмовых надписях, известных, конечно же, египтологам и, как он надеется, археологам тоже*. Так, если он, Н. Локьер, обращает внимание на то, что храм Изиды в Дендерах был ориентирован осью при постройке его в 700 г. до н. э. в направлении на точку восхода Сотис-Изиды, Сириуса, то ведь *такое заключение объяснит и неведомое ему при начале исследования содержание надписи, открытой в том же храме: «Изида светит в своем храме в день Нового года, и она смешивает свой свет со светом своего отца Ра на горизонте»*. Разве Ра — это не Солнце, а Изиды — не Сириус, который в 700 г. до н. э. вошел в новогодие (в начале последней декады декабря) за час до появления в Небе дневного светила как раз в той точке горизонта, на которую направлена ось храма? Наконец, разве археологи ошибаются, утверждая, что храм Изиды в Дендерах был сооружен как раз в 700 г. до н. э.?

В том же духе он мог говорить и об ориентации остальных храмов, поскольку, начавшая работу (в чем заключалась особая весомость полученных результатов), Н. Локьер не подозревал, что в отдельных святилищах сохранились надписи, относящиеся ко времени их основания. Тексты, описывающие церемонии при проведении линии от центра будущей постройки к той звезде на горизонте, которая воплощала бога — покровителя святилища, позволяли проверить метод астрофизика. А если надписи в египетских храмах не сохранились, ему удавалось методом определения направления их оси на одну из восьми особо чтимых в Древнем Египте звезд устанавливать дату закладки фундамента постройки. *Таким образом, его метод позволял датировать памятники классической древности с помощью невиданного ранее в археологии приема — астрономического.*

О том же свидетельствовали результаты исследований коллеги Н. Локьера — Ф. К. Пенроуза, который с тем же методическим подходом и в те же годы обследовал храмы Греции. Его работа облегчалась тем, что датировка святилищ Эллады была разработана лучше, чем египетских, и Ф. К. Пенроузу удалось особо убедительно доказать, что каждый храм сооружался с учетом направления на звезду, которая восходила на востоке или, напротив, скрывалась на западе за час до появления в Небе Солнца или через час после ухода светила за горизонт. Это при восходах *всякий раз были звезды, возвещающие наступление утра великого праздника, когда первые лучи Солнца должны были проникнуть в храм и осветить в нем святая святых — алтарь или мраморную статую божества*. Чтобы представить, с какой точностью ориентировались храмы, достаточно было обратиться к Парфенону. Как установил Ф. К. Пенроуз, его ось ориентировалась на восход Плеяд около 1150 г. до н. э. Его прямоугольное основание имело размеры 100 × 225 греческих футов, что позволило установить величину греческого фута (12,16 британского дюйма). Это составляло сотую долю секунды дуги некоего большого круга. Отсюда последовал вывод, что наличие подобных измерений, основанных на долях размеров экватора Земли, есть свидетельство исключительно высокого развития астрономии в Древней Греции. В феврале 1892 г. Ф. К. Пенроуз прочитал доклад в Обществе любителей древностей о результатах своих изысканий в Греции.

Итак, астрономы призывали археологов к диалогу и обмену мнениями. Но, к своему удивлению, а со временем и недоумению, они поняли, что взаимопонимание и взаимодействие невозможны. Сначала Н. Локьер и Ф. К. Пенроуз встретили яростную оппозицию. Сомненно подвергались не вычисления, на что, разумеется, могли обратить внимание лишь астрономы. *Неприятие касалось самой идеи – возможности отражения астрономических познаний в археологических памятниках.* Наученный горьким опытом первых столкновений со специалистами по древностям, которые столь неудачно напоминали астроному о большом количестве звезд на Небе, Н. Локьер отвечал на критику с деликатной мягкостью. Суть его заявлений сводилась в основном к пожеланию, чтобы каждый «археолог знал (хотя бы немного!) астрономию». Стремясь максимально облегчить вполне понятные затруднения, он написал *специально для археологов* предельно простенький для восприятия его метода учебник (Lockyer, 1909). Но тщетно! Вот почему с годами стал звучать лишь монолог астронома, так как археологи потеряли интерес к бессмысленной, на их взгляд, дискуссии. Собеседники были или безнадежно глухи, или не желали изучать язык, на котором пытался объясняться с ними Н. Локьер. Или они всякий раз обретали слепоту, когда он пытался направить их взгляд на должную точку горизонта, где тысячелетия назад восходили (или заходили) Луна, Солнце и звезды, воплощения астральных богов. Ему стало, наконец, казаться, что сочинения его *преднамеренно замалчиваются.*

Между тем, дело до этого тогда не дошло. Оппоненты пока не чувствовали для себя серьезной опасности, поскольку *сама постановка проблемы казалась им беспрельно нелепой.* Потуги «чужаков», астрономов, разгадать, положим, значимость пирамид, а также храмов, в том числе тех, что сооружались вблизи мест захоронения усопших, обычно вызывали в науке о первобытности настороженность и скептицизм. Но высокого ранга профессионал Н. Локьер работал в археологии с такой же тщательностью, с какой он трудился в астрофизике, и не подавал повода к недоверию.

В начале XX в. он покинул страну «первой на Земле цивилизации» и обратился к древностям «варваров Северной Европы». На первый взгляд трудно, кажется, вообразить более неудачный для продолжения полемики шаг: поразительные в точности астрономические познания древних, запечатленные в культовых памятниках «Земли обетованной», – это еще куда ни шло. Ведь там, по всеобщему согласию, располагалась колыбель цивилизаций Северной Африки, Европы и Ближнего Востока. Но как можно всерьез усматривать значительность смысла в странных, выложенных кольцами и поставленных рядами камнях страны гипербореев, окраины Земли, где, по единодушному мнению археологов, до прихода греков и римлян господствовало беспросветное варварство аборигенов Севера? Однако Н. Локьер, размышляя над замысловатым кружевом композиций из камней в Дартмуре и в соседней с Англией французской провинции Бретань, предпочитал иметь на сей счет свое мнение. В июне 1901 г. он обратился к изучению астрономических аспектов Стоунхенджа, самого известного в Англии «культового памятника» неолита и бронзового века. Итогом работы стал вывод, что каменные структуры Стоунхенджа сооружались с целью фиксации частей так называемого майского (сельского или кельтского, а также египетского бога Тота) календаря, в котором четко отмечались восемь кардинальной значимости моментов солнечного года – равноденствия, солнцестояния, а также межсезонья, одинаково удаленных по времени от равноденствий и солнцестояний (аналоги восьми звезд, которые почитались египтянами). Такой календарь заимствовали у людей бронзового века кельты (Н. Локьер прямо писал позже *о календарном наследстве строителей мегалитического сооружения*). Эти средние между равноденствиями и солнцестояниями моменты времени определяли начало или окончание определенного рода хозяйственных работ. Н. Локьер обратил внимание археологов на тот примечательный факт, что *и в современной Англии*

проведение сельских ярмарок и связанных с ними торжеств определялось все той же структурой майского календаря кельтов. Поразительная в живучести традиция, которая подтверждалась сезонным ритмом жизни фермерских хозяйств начала XX в.!

Так Н. Локьер с обычной для представителя естественных наук основательностью попытался увязать в единое целое астрономию и археологию культур севера Европы. Астроархеология открыла перед историками захватывающие перспективы. Н. Локьеру, знакомому с мифологией и календарными культами, стало ясно, что за пристальным вниманием жрецов святилища к ключевым моментам в «жизни» дневного светила, когда совершались переходы от одного из восьми сезонов к другому, просматривались основы астральной религиозной системы людей бронзового века. Ясно стало и другое: если Н. Локьер прав, то его идея не просто открывала новые горизонты во взглядах на первобытное общество. *Она противоречила самым фундаментальным представлениям археологов о древнем человеке, взрывая их и разнося вдребезги.*

Как показали последующие события, это и определило существо трагедии – его личной и той науки, которую он имел честь представлять. Кажется, специалисты по древностям, призванные по долгу службы восстанавливать истинный облик предка, должны были восторженно приветствовать новую отрасль науки, рожденную на стыке астрономии, археологии и астральной мифологии. Парадоксально, но, как уже, увы, случалось в истории науки не однажды, все оказалось наоборот. Археологи сначала делали вид, что из-за очевидной для них несуразности идеи они не замечают ни лекций, ни статей о Стоунхендже специалиста по Солнцу Н. Локьера. Он же, удивленный равнодушием к результатам своих исследований, заподозрил археологов в намеренном уклонении от своего профессионального долга и позволил себе дать им советы. Поэтому-то, видимо, в 1904–1906 гг. в журнале «Nature» появилась серия статей, объединенных одной темой – «Несколько вопросов археологам».

Знатоки древностей единодушно восприняли эти статьи с редкого накала негодования. Разразился грандиозный скандал, апофеозом которого стал резкий демарш археологов в адрес редколлегии журнала «Nature», легкомысленно позволившего напечатать на своих страницах статьи астронома без согласования со специалистами. Математико-астрономические выкладки Н. Локьера воспринимались английскими археологами как ловкие манипуляции очередного любителя колпачить профессионалов (недаром, видно, превосходный знаток характера своих соотечественников Шерлок Холмс однажды сказал с досадой: «Мы, англичане, – консерваторы. Любой человек, отличающийся от нас образом мышления, кажется нам мошенником»). Раздражение археологов приняло такую силу, что «Nature», любимое детище Н. Локьера, сделало беспрецедентное в истории журнала заявление: статьи астрофизика были напечатаны «по недосмотру редакции»...

Последствием скандала стала трагическая судьба нарождающейся астроархеологии – *на полвека вперед определилось болезненно острое неприятие археологами тех, кто в их спархии осмеливался говорить об астрономических аспектах древних памятников.*

Итак, Н. Локьер не смог найти общий язык с археологами. Глубоко осознавая свою правоту, он ощутил себя в трагическом положении героя блестящей новеллы Г. Уэллса «Страна слепых», которой как раз в те годы с упоением зачитывалась вся Англия (первый издан в 1904 г.). Сюжет ее был остро драматическим: зрячий, волею судеб оказавшийся в «Стране слепых», пытается объяснить ее обитателям, что Мир все не такой, каким они представляют его исходя из веры в некую «Высшую Мудрость» и жесткой установки «Видеть – это ужасно». Г. Уэллс всей мощью своего таланта литератора-фантаста выписал парадоксальную коллизию, когда *способность видеть больше других вдруг оборачивается духовной изоляцией и трагедией того, кто не способен передать слепцам свой взгляд на окружающий мир.* В результате последет-

вия оказались одинаково печальными и для зрячего в «Стране слепых», и для Н. Локьера в стане вещеведов-археологов: первого, во спасение *«Великой Мудрости»* и нежелания прозреть, изгнали в горы, где он и умер голодной смертью «под звездным Небом», а второго, во благо покоя в стане традиционной археологии, преднамеренно (осознанно) погрузили в забвение, что в мире науки равносильно казни и смерти.

Оценивая теперь, век спустя, этот странный парадокс, следует, прежде всего, заметить, что за неприятием археологами точки зрения Н. Локьера скрывалось вовсе не стремление придать своей науке безупречный академический лоск и отнюдь не желание сохранить профессиональную репутацию, как представляют порой историографы сложившуюся в начале века ситуацию. За сим таилось нечто обескураживающее, а именно *ленивое нежелание вникнуть в суть сложных для гуманитарного ума «астрономических аспектов» археологических памятников и, главное, боязнь прослыть «академически несерьезным» или, что уж совсем страшно, «свихнувшимся чудаком». А характеристика загадочного объекта как «ритуального» или «культового» (в сущности, прикрытие бессилия иного исследователя проникнуть в смысл предмета, который он взялся изучать) по традиции легко сходила с рук и воспринималась как нечто концептуально многозначительное. Образно говоря, археологи предпочли остаться слепыми подобиями членов сообщества «Страны слепых», рожденной фантазией Г. Уэлса, а не разбираться в головоломной для них сути сочинений Н. Локьера.*

Но если это так, то какова же была та *«Великая Мудрость»*, поступиться которой не желали специалисты по древностям? При размышлениях историка науки о реальных причинах неприятия археологами идеи Н. Локьера легко обнажается настоящая подоснова печального хода событий в традиционной археологии рубежа XIX–XX вв. А все дело в том, что археологи тогда приняли на вооружение *«Великую Мудрость»* – теорию *«Urdummheit»*, дарвиновского толка эволюционную идею *«Первородной глупости» предка, его чрезвычайно низкого культурного статуса, узости круга знаний «примитивных предков», лишенных элементарных понятий об искусстве и науке. При восприятии древних культур под углом зрения концепции «Urdummheit» попытки выявить астрономические аспекты в археологических памятниках выглядели авантюристическими.* В такой ситуации не следует удивляться тому, что астроархеологи с их необычным направлением в исследованиях воспринимались иронически. Их называли «романтиками», а то и «фанатиками» или по-джентельменски мягко – «людьми с причудами». Их критиковали за грубые просчеты в оценке уровня развития человека первобытного общества и обвиняли в намерении «поколебать основы». Создавалось впечатление, что от неизбежности одного из постулатов *«Великой Мудрости»* вещеведческой археологии – о господстве «первородной глупости» в «изначальных культурах» – зависело их житейское благополучие и покойное течение дел на раскопках и в музейных хранилищах.

Н. Локьер, как никто из представителей клана традиционной археологии, отдавал себе отчет в нелепости установок теории *«Urdummheit»*. И он ответил на выпады достойно: летом 1906 г. из печати вышла книга *«Стоунхендж и другие британские каменные памятники с точки зрения астрономии»* (Lockyer, 1906). Через три года, расширенная за счет описания других памятников, она же была напечатана вторым изданием. В краткие периоды отпусков Н. Локьер продолжал изучать те памятники Англии, которые позволяли приоткрыть завесу над обстоятельствами зарождения точных наук. Во время поездок по стране он читал лекции по древней астрономии, встречался с людьми, увлеченными аналогичными изысканиями, а посетив в апреле 1907 г. Корнуэлл, поддержал желание местных любителей археологии создать Общество естественной истории и древностей Перзанса. Вскоре его члены построили внутри кольца из камней Тригсил около Сент-Джаста дом, где заслушивались доклады о древних памятниках и

астрономии, а также велись наблюдения за светилами по ориентирам, указанным Н. Локьером.

В 1908 г. Н. Локьер, по желанию местных энтузиастов, организовал такое же общество в Уэльсе. С ученым секретарем этого общества Джоном Гриффитсом Н. Локьер изучал мегалитические памятники округа и предпринял несколько астроархеологических экспедиций в районы Северного Уэльса. Его поражал высокий уровень астрономических знаний кельтов, своеобразно отраженных в фольклорных записях XVIII–XIX вв., и близкое соответствие этих сведений тому, что удалось выявить при изучении как «колец» из камня, восходивших к эпохе неолита, так и построек, *которые возводили сельские жители современной Англии при подготовке к сезонным праздникам народного календаря.*

В ходе поисков Н. Локьер неизменно убеждался в четко продуманной координации размещения древних памятников, предназначенных для наблюдений за Небом, в отражении с их помощью некоей сложной *геодезической модели посредством строго рассчитанного размещения на местности святилищ, менгиров и групп камней.* Накопление подобного рода фактов не производило, однако, впечатления на английских археологов. Но вот какой парадокс: *неприятие астроархеологии по-прежнему не питалось результатами проверок выводов Н. Локьера и его соратников.* Специалисты по древностям, вооруженные неотразимо (как им представлялось) убедительной теорией «Urdummheit», если бы даже они могли провести проверку, абсолютно не испытывали в том потребности. Они были убеждены, что «ересь» питается обстоятельством банальным – все той же неосведомленностью Н. Локьера, своенравного чужака в «Стране слепых», в «примитивной природе» первобытного общества, что удобно освобождало их от хлопот опровержения самоочевидных заблуждений. Логика в такой позиции была сродни известному умозаключению Козьмы Пруткива: *этого не может быть потому, что такого не может быть никогда.*

Не удивительно, что вскоре методом борьбы с теорией Н. Локьера стало *преднамеренное умолчание специалистами по древностям Англии результатов исследований в области астрономической археологии* (отработанный со времен Буше де Перта прием расправы с неосвященными традицией идеями, которые нарушали спокойствие профессионалов). Если обратиться к сочинениям английских археологов, изданным после смерти Н. Локьера, то складывается впечатление, будто такого человека вообще не было на свете. Впрочем, ту же видимость отражают и публикации корифеев советской археологии 1920–1970-х гг., на страницах которых мне не удалось отыскать упоминаний трудов Н. Локьера. Отсутствие интереса к ним определялось, надо полагать, все той же теорией «Urdummheit», которой отнюдь не была чужда историко-материалистическая наука о первобытности. Астроархеология к тому же панически *пугала.* Археологи помнили преподнесенный Н. Локьеру жестокий урок и, видимо, не рисковали касаться астральной темы. *Она ужасала и чудовищной сложностью работы в таком ключе.*

Допустимый объем публикации не позволяет рассмотреть в деталях последующий ход взаимоотношений астроархеологов с адептами традиционной археологии. Скажу лишь, что «отверженным» приходилось часто публиковать результаты исследований на страницах *специализированных астрономических журналов.* А где еще они могли печататься, если один из лидеров английских археологов XX века С. Питгот, выступая по телевидению, призывал *в законодательном порядке* (т. е., надо полагать, с учетом статей уголовного кодекса?) *запретить вторгаться в сферу интересов науки о древностях тем, кто не имеет к ней прямого, по долгу службы, отношения.* С экрана прозвучал тогда парадоксальный (конечно же, немасштабный в сфере естественных наук) вердикт – *только профессиональные археологи имеют право выдвигать новые идеи в археологии* (подробности см.: Mitchell, 1977).

Коренной перелом в дискуссиях все же в конечном счете произошел, но его на Западе предопределили не исследования, положим, А. Уоткинса (Watkins, 1925), М. Бодуэна (Baudouin, 1926), К. Ньюэма (Newham, 1972) и А. Тома (Thom, 1967; 1971), а *компьютер*, в который астроном Дж. Хокинс ввел сведения, связанные с «астрономическими аспектами» Стоунхенджа (Hawkins, 1964); заметим, что напечатано это было на страницах «Nature», детища Н. Локьера, надо думать, опять без консультаций с археологами. Электронно-счетная машина через несколько минут работы подтвердила правоту идей Н. Локьера и его последователей, которые потратили на споры с вещеведами около 75 лет. Вердикт компьютера был такой: этот памятник бронзового века Северной Европы (приблизительно начала III тыс. до н. э.) следует воспринимать не только самым величественным храмом Англии, но и древнейшей обсерваторией, структуры которой позволяли отслеживать циклы движения Луны и Солнца, а также рассчитывать время наступления затмений (Hoyle, 1966; опять публикация в «Nature», думаю, без консультаций с археологами, которые от такого сюжета погрузились бы в проstration). Капитулируя под натиском «электронных аргументов», археологи остались верны себе до конца в *недоверии* к людям. Ведь они, подчеркнем, доверились доводам вовсе не астроархеологов, а *компьютера*, полагая, наверное, что машина эта работает сама по себе, вне воли исследователя, составителя соответствующих программ.

Перелом, однако, задел лишь сообщество западных археологов, да и то в основном по части охлаждения их критического пыла. Между тем, традиционная археология России продолжает донныне держать глухую оборону, игнорируя палеоастрономию, палеокалендаристику и астроархеологию. Тут по-прежнему предпочитают оставаться в «Стране слепых», как бы заново проигрывая «старую граммофонную пластинку» – события начала XX в., когда Н. Локьер по своей неосторожности задал «несколько вопросов» археологам, пытаясь ввести их в «круг понятий» астрономии и календаристики. Такие «понятия» остаются, увы, вне круга интересов и подавляющего большинства сибирских археологов, которые привычно оценивают факты точных наук как «совпадения случайностей», поневоле вызывая в памяти остроумную реплику одного сведущего в небесной науке исследователя: «если точность астрономической ориентации [археологического памятника] достигнута благодаря *случайности*, то, надо сказать, *счастливая случайность посещает лишь тех, кто хорошо к ней подготовлен*» (см.: Заморковский, 1981). Нежелание же *готовиться* к восприятию «случайности» (что означает – нежелание начать освоение азов астрономии, геодезии и календаристики) оставляет за бортом сибирской археологии фундаментальной значимости информацию о преднауке и мировоззрении предков, сокрытую в структурах святилищ и могильников, поселений, городищ, крепостей и храмов. Такая позиция оставляет археологический поиск в границах унылых круговертей классификационной карусели да общего плана культурологических разговоров, никого ни к чему не обязывающих.

В итоге на каждом шагу приходится сталкиваться с парадоксами «Страны слепых» Г. Уэллса. Если, положим, археолог объявляет об открытии в Сибири новой культуры (особо счастливый миг в жизни любого «первооткрывателя»), то может показаться, что он тем самым без обиняков *демонстрирует* свою *убежденность* в наличии у представителей выделенной им культуры упорядоченных счетчиков времени (календарей), *дерзко свидетельствует* о высоком уровне их познаний в астрономии, смело, не оглядываясь на авторитеты, *провозглашает* сложность духовной сферы жизни архаического сообщества (астральный характер религии). *Ведь ясно, кажется, – культура не есть культура, если ее творцы понятия не имеют ни о Времени, ни о Пространстве, ни об устройении Мироздания.* Парадокс, однако, заключается в том, что, как свидетельствует опыт, очередной культуротворец вовсе не убежден в сказанном. Более того, он зачастую не задумывается о подобном следствии своего открытия, что позволяет заподоз-

рять его в приверженности совсем иному постулату – *первобытного облика культура может существовать и тогда, когда создатели ее пребывают в младенчески-зверином состоянии вневременного и внепространственного бытия.*

Такое утверждение может показаться кому-то надуманно нереальным. Однако его подлинность легко подтвердить многими примерами реакции представителей вещеведческой археологии на доклады и статьи астроархеологов Сибири, посвященные астрономическим и календарным знаниям эпохи первобытности. Эта реакция, порождающая поток отрицательных отзывов, блокирующих публикации и финансирование исследований, а порой и защиты диссертаций в ученых советах, всегда на удивление однозначна – *воинственное неприятие услышанного и прочитанного под предлогом самоочевидной абсурдности излагаемого.* При «мягком» же варианте дискуссий начинаются разговоры о *«неубедительности аргументов»*, о *субъективности* восприятия объекта изучения, в частности знаковых записей, совмещенных с образом искусства. И это говорится при том, что астроархеолог предъявляет вещисту факты и аргументы предельно весомые для гуманитарных умозаключений – *числа*, оспорить силу которых не под силу никому, в том числе, конечно же, и академику РАН, который специализируется в археологии.

Возможны лишь два варианта достижения согласия между приверженцами археологических полярностей – интеллектуализма и вещизма. Первый – оптимальный и предельно простой: прислушаться, наконец, к вековой давности совету великого Нормана Локьера, «отца-основателя» астроархеологии, *о желательности познания археологами азов астрономии.* А случись, по счастью такое, все сомнения разрешились бы сами собой, ибо всякому естественнику понятно, что *календарно-астрономические числа может воспринять в качестве аргументов лишь тот, кто хоть чуть осведомлен в астрономии.*

Поскольку же, как свидетельствует история отечественной археологии, с освоением астрономии у нас вот уже более столетия все как-то не получается (даже в пределах скромных – на «чуть-чуть»), то остается избрать второй, окольный и затяжной для достижения прогресса путь, – терпеливо преодолевая неприязнь адептов традиционной археологии, продолжать разработку исследовательской программы поиска доказательств наличия постижения тайн Природы и самого человека представителями *любой культуры, любого времени и во всех без исключения местах обитания предка, будь то Старый или Новый Свет.* Всеобщность проявления в древних культурах, в том числе сибирских, одного и того же – отчетливых признаков внимания предка к Небу, светилам, Времени и Пространству – способна убедить (хочется на то надеяться!) даже самого истового приверженца идеи существования разумного человека в безвремяе и вне пространства. Возможно, тогда, приступая к очередному формулированию заклятого в неопределенности понятия «*археологическая культура*», склонный к теоретизированию классификатор «материальных ценностей» *включит в перечень фундаментальных признаков этого явления осознание древним человеком пространственно-временных категорий.* Но для этого самому археологу для начала придется осознать эти категории («понятия»), *подтягиваясь к уровню знаний предка, объекта своего интереса.*

«Страна зрячих»

Представляю для примера опыт работы в рамках астроархеологической программы, связанной с изучением так называемого «Храма Времени», открытого в 2001 г. на севере Хакасии.

Результаты многолетнего изучения памятников тагарской культуры района скальных гор, именуемых в просторечии Суидуками (долина Белого Июса), позволили начать разработку фундаментальной значимости вопросов: каким было мировоззрение

обитателей степной и горно-таежной зон восточных предгорий Кузнецкого Алатау эпохи раннего железного века и какие постулаты определяли их духовно-интеллектуальную, религиозно-нравственную и производственно-бытовую стороны бытия?

Методические установки

1. При решении столь сложной задачи во главу угла ставится информация, *зачатленная в археологическом объекте*. Подходящие для анализа сведения извлекаются только *лишь из самого объекта*, а истолкования их производятся *сначала без привлечения историко-культурных и этнографо-мифологических аналогий*. Такая методическая установка оптимальна, ибо она позволяет избежать ученого произвола – насильственного *навязывания* специалистам своего мнения о древних культурах, которое может, увы, определяться и узостью кругозора специалиста, и его сугубо личностными пристрастиями (вещизм, классификаторство, догматизм и ретроградство). Только после того, как подобного рода информационные ресурсы изучения будут исчерпаны, *настанет время подбора подходящих аналогий из сфер этнографии, мифологии, религиоведения и протонауки*.

2. «Извлечение сведений» не есть, как можно подумать, вещеведческая (типологическая, хронологическая или культурологическая) презентация объекта. Профанное, т. е. не осененное подходящей идеей, без руля и ветрил, описательство есть затык, априори обреченная на неудачу, если она даже, положим, всерьез (по личностному желанию и программной декларации) нацеливается на семантические реконструкции. Поскольку речь идет о стремлении исследователя проникнуть в область *глубоко сокрытого, сакрального, священного*, в мир интеллекта, мышления и духа предка, то предлагаемые оценки (обычно весьма уязвимые для критики) должны, конечно же, обладать *прочной защищенностью, т. е. высокой степенью доказательности*, близкой убедительности заключений служителей естественных наук, одержимых устремлениями *к точности*. При ином подходе к делу излагаемое станет очередной потолочной («философического») толка гипотезой, если чем и примечательной, то разве что новыми изысканностями беспредметного суесловия.

3. Должную *доказательность* семантическим реконструкциям придает астроархеология, «незаконнорожденное дитя» российской науки о первобытности, ее нежеланный приемыш, без конца (уже столетие!) шокирующий отечественных вещеведов. Между тем, астроархеология представляет ту редкостную отрасль гуманитарной науки, служители которой ведут исследования в *междисциплинарной (интеграционной) зоне*, столь популярированной ныне (у вещеведов – на словах), – на стыке науки гуманитарной с целым *семейством* наук естественных, весьма разнородных и специальных. А именно в тесном взаимодействии с геодезией, астрономией, геометрией, арифметикой, календаристикой, космологией и космогонией, а также с историей точных наук. Сложность труда гуманитария в такой сфере заключается в том, что эта работа требует освоения естественнонаучных знаний, а не слепого (бездумного) переписывания в свои сочинения сведений, которые ему выкладывают, как на блюде, заинтегрированные представители естественных наук, позволяя демонстрировать «использование естественнонаучных методов» (лукавый прием вещеведа быть при деле и на передовом фронте науки). Междисциплинарные *изыскания астроархеологов самостны, личностны*. Они *вдохновляются верой в силу ума предка, в справедливость великой идеи гениального Н. Локьера об отражении в памятниках древних культур того, что традиционно включается в поле интересов наук точных и натурфилософских*, в оправданность постулата пристального внимания древних к Небу, Земле, к светилам, к Воде, Огню, Воздуху, Времени, Пространству, к устройению всего окружающего мира. Иначе говоря, к раскрытию

извечного интереса предка к *Мирозданию*, к сотворению и последующей его эволюции, к гибели одного и возрождению, а значит – к *Божеству-созидателю*, а через него – к формированию духовно-нравственных устоев общества.

Что так оно и было, подтверждают разнородные, исследованные под астроархеологическим (интеграционным!) углом зрения памятники скифской эпохи пограничья степных и горно-таежных зон Северной Хакасии. Какой бы из объектов культуры здесь ни исследовался, будь то могильник, святилище с наскальными изображениями, обрядовые места с наскальными изображениями, культовые центры почитания Неба и Огня на вершинах гор, скальные храмы, стелы, астролинии, астроплощадки и астросвятилища (своего рода обсерватории), в каждом из них неизменно просматриваются признаки одного и того же – истового отслеживания человеком течения *Времени* при тщательных наблюдениях за восходами и заходами Солнца и Луны, а возможно, и звезд. Безграничный Космос, *Беспредельное пространство*, в границах которого пролегают пути «блуждающих планет», звезд и созвездий, а также определяемое ритмами движения небесных светил *Время* – все это вместе взятое смотрится тем основополагающим, что волновало людей тагара более всего. *Небесное* было, видимо, *стержнем духовной жизни тагарцев*.

Наличие в объектах культуры астрономических аспектов настойчиво подталкивает к выводу о том, что религиозная система тагарцев была в своей определяющей сути *астральной*. Грандиозный, вполне под стать величию европейского Стоунхенджа, астрономический и культово-обрядовый комплекс, открытый в середине 70-х гг. прошлого века при обследовании Первого Сундука Северо-хакасской археологической экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН, позволил установить, что в центре внимания жречества долины Белого Июса находились Луна и Солнце, *восходы и заходы которых отслеживались многие десятки лет*. Наблюдатели циклических по характеру эволюций ночного светила зафиксировали с помощью *специально уложенных плит* точки восходов из-за склонов горы высокой зимней Луны (период малого сароса – 18,61 года), а с помощью разного рода указателей – искусственных и привлекающих взгляд природных – точки восходов и заходов Солнца в кардинальные моменты тропического года – в моменты солнцестояния, зимнего и летнего, и равноденствия, осеннего и весеннего. Жрецы, по-своему обустроившие (облагородившие) дикие обрывы трех каньонов Первого Сундука, превратив его в масштабное святилище и одновременно в астрономическую обсерваторию, с исключительным старанием фиксировали появление на *восточном горизонте первого луча* восходящего Солнца, затем *падень* (вознесение светила над Землей к самой высокой точке на Юге для любого конкретного дня) и, наконец, исчезновение на *западном горизонте последнего луча* заходящего Солнца. Ночью, видимо, отмечалось прохождение на *Юге* через нить небесного меридиана наиболее ярких звезд (подтверждение последнего требует, однако, сбора дополнительных сведений).

Список того, что наблюдалось на Первом Сундуке, можно было бы продолжить, сопровождая каждую его позицию комментариями – для чего все это делалось (положим, для расчетов времени наступления затмений, для установления дня начала сезонных торжеств, *момента* дневных или ночных служб и т. п.). Но, полагаю, перечисленного достаточно, чтобы согласиться с предварительным заключением об *астральной стержне религии тагарцев*. Иначе не объяснить их пристального внимания к Небу.

Возникает, однако, вопрос: *а какого именно толка была эта астральная религия?* Сундуки предоставили множество материалов для начала разговора на эту интригующую тему. И если такой разговор не был начат ранее, то, в частности, и потому, что среди накопленных прежде материалов не доставало *ключевого звена*, в котором наиболее убедительно, емко и предельно концентрированно отражались бы итоги наблюдае-

мых в Небе событий. Как легко догадаться, *речь идет о счетчике Времени, о календаре, зафиксированном в поддающейся расшифровке числовой записи.* Поскольку, в согласии с «Бундахишна», великим сочинением индоиранцев об «Изначальном творении», только *«Время разрешает вопросы лучше всех разрешающих вопросы»*, предоставим то, что отсутствовало ранее среди астроархеологических памятников, открытых на Сундуках, – календарь, сохранившийся в глубине камеры небольшого храма, открытого в конце июля 2000 г. Попытаемся ответить на фундаментальные вопросы, сформулированные в начале этого раздела статьи, с помощью записей, увековеченных в камне, и с использованием методических установок, перечисленных выше.

Описание «Храма Времени»

Памятник был открыт при обследовании западных склонов обширного горного массива Грудь-Гора, расположенного к северо-западу от поселка Июс (левобережье реки Черной, недалеко от впадения ее в Белый Июс; Первый Сундук отстоит от этого массива километра на 3 в сторону юго-запада). Вдоль западного подножия Грудь-Горы рассредоточены погребальные сооружения обширного тагарского могильника, ориентированного продольной осью по линии, близкой к азимуту *север-юг*. Выше могильного поля, на крутых склонах, расщепленных глубокими распадками, проступают скальные выступы красноватого песчаника. На отдельных плоскостях этих выступов были обнаружены одиночные и объединенные в композиции рисунки тагарского стиля. Главные культово-астрономического характера объекты оказались приуроченными к средней зоне западного склона Грудь-Горы, где располагается и средняя часть могильника. Здесь, выше и восточнее гробниц, на склоне распадка *находится святилище с наскальными изображениями эпохи тагара, а ниже, на окраине западного мыса, лежит огромная, весом около тонны, подпрямоугольная плита, ориентированная слегка приподнятым концом на Юг* (видимо, это астропункт, фиксированное («пристрелянное») место наблюдения за восходами и заходами светил). Между святилищем и плитой находится объект, нареченный «Храмом Времени» (рис. 1).

Рис. 1. «Храм Времени», западный склон Грудь-Горы (окрестности села Июс).
(Фото Н. И. Рыбакова)

Памятник представляет собою небольшой грот, подквадратная неглубокая полость (камера) которого была создана посредством извлечения плит из пласта песчаника, проступающего длинной, косо падающей полосой на склоне правого борта распада. Тесная «зала» храма прикрыта сверху массивной плитой, незатронутой обработкой кромки скального выступа. На полу, при входе в «залу», лежит массивный, подквадратной формы блок светло-розового песчаника. Грот может вместить всего лишь одного человека, да и то если он займет сидячее положение на плите, прикрывающей пол (рис. 2).

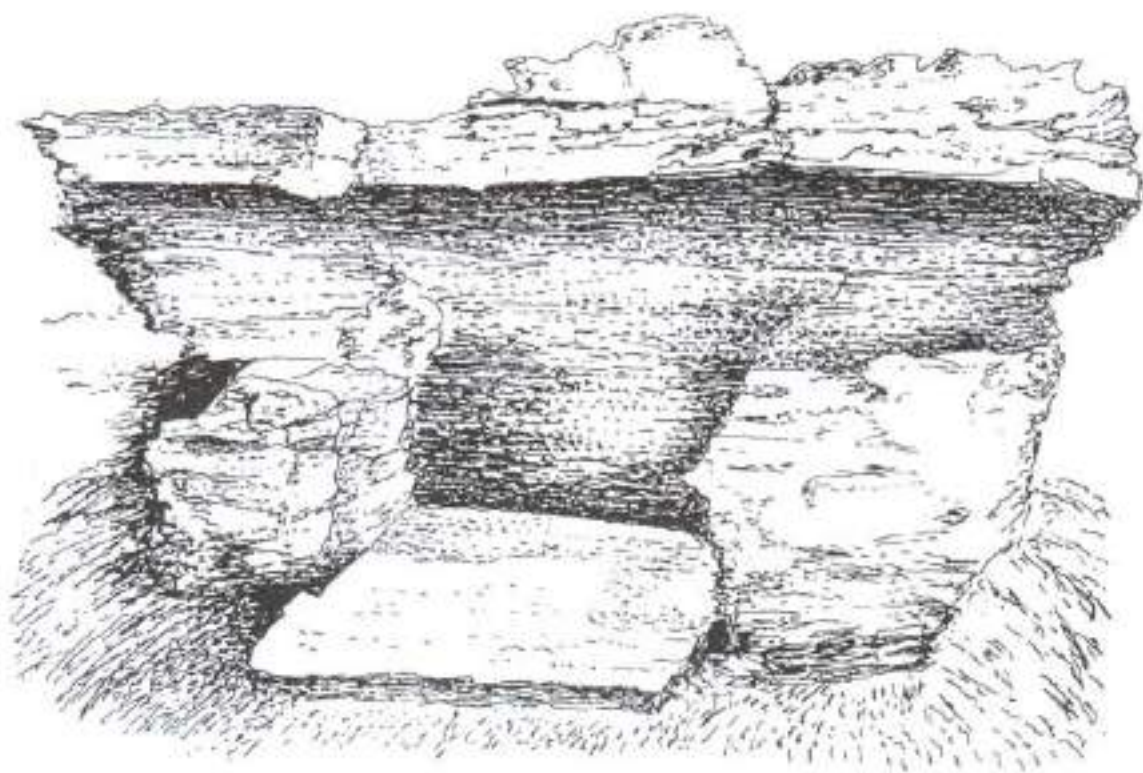

Рис. 2. «Храм Времени» со всеми его структурными отделами (рис. В. И. Жалковского; последующие рисунки выполнены им же)

Дополнительной обработке был подвергнут верхний отдел правой стенки ниши. Здесь создатель (архитектор!) храма нанес сильный, продольно ориентированный удар, в результате которого в верхней части стенки образовалась относительно обширная, слегка вогнутая плоскость с острым ребром по западному краю (рис. 3). Скальвание производилось и в верхней части узкой передней, обращенной к выходу (на Юг) гранитой же правой стенки, вследствие чего появились острые ребра, разделяющие небольшого размера каверны. Устье грота обращено на Юг, а лицевая, обширная, вертикально ориентированная плоскость облома правой стенки развернута в сторону юго-запада.

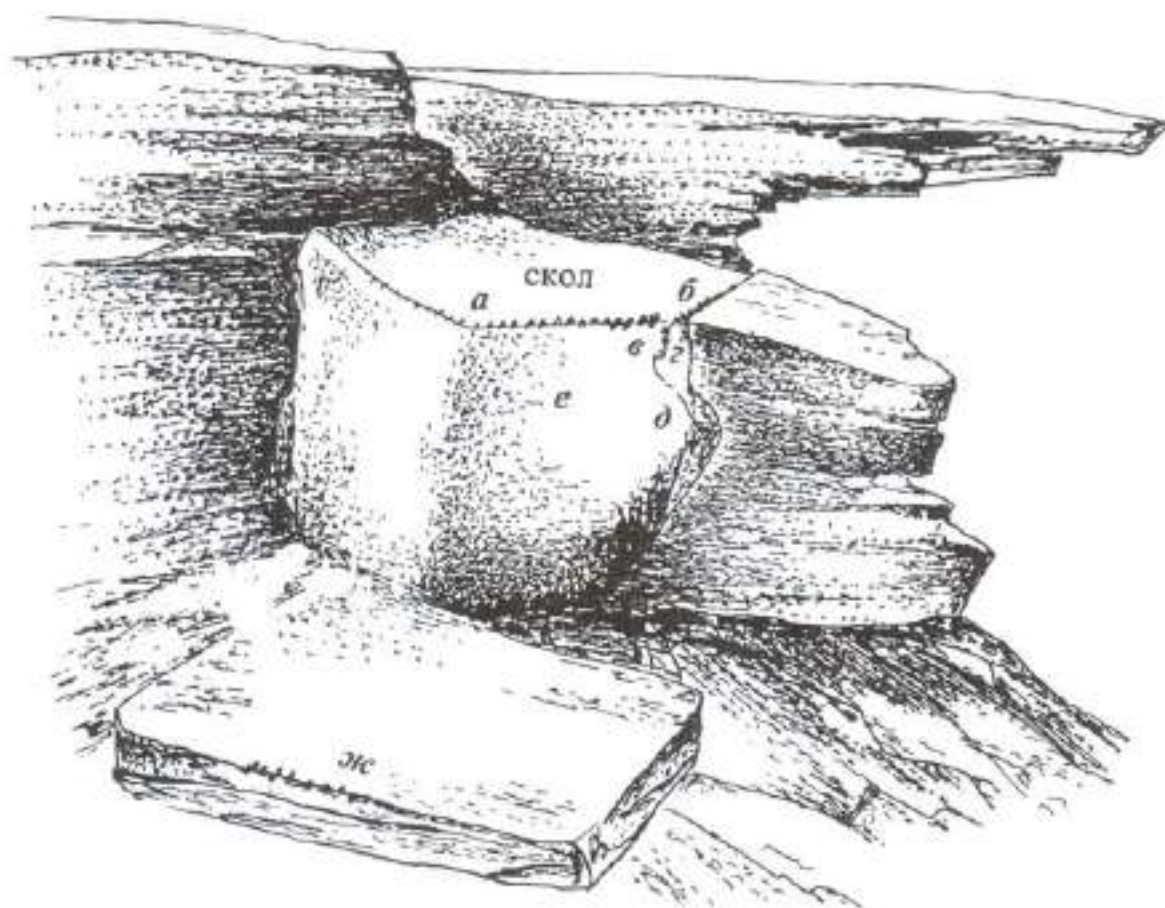

Рис. 3. Правая стенка «Храма Времени», обработанная преднамеренно (см. слева «скол»). Прилегающая к ней плита и есть пол храма

Презентация знаковых записей храма

При обследовании внутренних отделов грота были обнаружены четыре строчки, состоящие из коротких, глубоких, вытянуто-овальных по очертаниям *насечек*^{*}, и скопление рассеянных *нарезок*^{**}, коротких и относительно длинных, ориентированных своими осями к подножию восточной стенки.

1. Длинная строчка *насечек* в пределах *горизонтально* ориентированного верхнего ребра правой (*восточной*) стенки камеры (см. рис. 3, *а* и рис. 4). Это ребро между *вертикальной*, чуть выпуклой в сторону Запада поверхностью стенки и *горизонтальной* плоскостью той же стенки, оформленной сильным, продольно направленным ударом (в результате чего образовалось некое подобие полки, чуть вогнутая поверхность которой отделена пустым пространством от плиты, прикрывающей камеру сверху).

* Термин *насечки* – условен; знаки такого типа, судя по всему, *процеливались* металлическим инструментом.

** Термин *нарезки* – условен; знаки такого типа то ли *прочерчивались*, то ли *выскабливались* металлическим инструментом; как *насечки*, так и *нарезки* заслуживают анализа специалиста-трасолога.

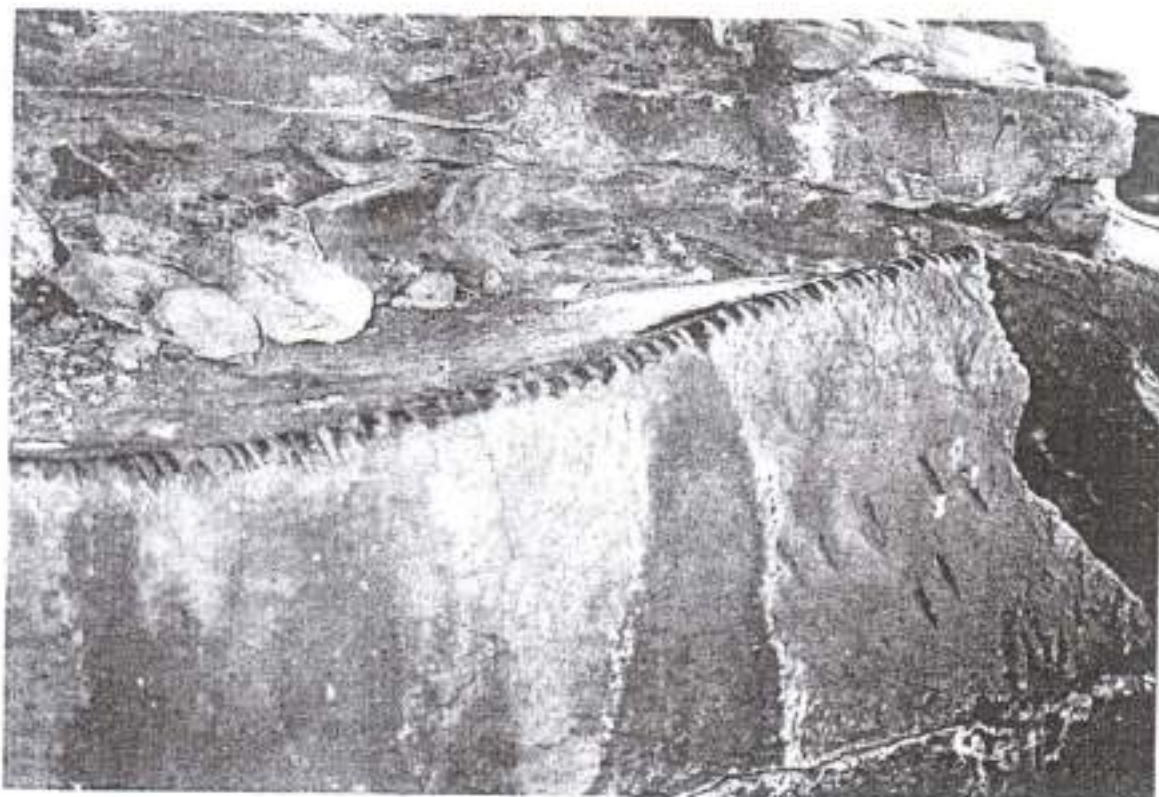

Рис. 4. Длинная, горизонтально ориентированная строчка насечек на острорезберном крас восточной стенки храма. (Фото Т. Савиных)

2. Короткая строчка *насечек* в пределах *горизонтально* ориентированного верхнего ребра узкой грани стенки, обращенной к *выходу*, в *сторону Юга* (см. рис. 3, б). Это ребро между вертикально ориентированной гранью и горизонтальной, искусственно оформленной плоскостью стенки, описанной выше.

3. Три короткие строчки *насечек* в пределах *вертикально* ориентированных ребер каверн, которые размещаются в верхнем отделе узкой грани, *обращенной в сторону Юга* (см. рис. 3, в, г, д). Эти ребра отделяют каверны от прилегающих к ним участков грани; каверны возникли на ее поверхности, видимо, в результате действия целенаправленно ориентированных ударов.

4. Скопление косо ориентированных *нарезок*, рассеянных на поверхности правого отдела восточной стенки, соседнего с ее узкой гранью, *обращенной в сторону Юга* (см. рис. 3, е).

5. Короткая строчка *насечек* в пределах верхнего левого ребра плиты, прикрывающей пол грота (см. рис. 3, ж). Это ребро между широкой верхней плоскостью плиты и ее узкой, левой, вертикально ориентированной гранью, *обращенной в сторону Запада*.

Описание и арифметические оценки знаковых записей

подавляющее число знаков в строчках представляют собой *насечки* – глубокие, вытянуто-овальные в очертаниях, чуть варьирующие в ориентациях продольных осей, а также по размерам, плотности размещения и варьирующие по иным особенностям, заслуживающим специального анализа на предмет извлечения из такого рода деталей полезной информации. Большинство строчек, составленных из таких *насечек*, сохранились хорошо, и потому подсчет количества знаков не вызывал затруднений.

Сказанное в полной мере относится к *пяти* строчкам, приуроченным к ребрам восточной стенки храма (см. рис. 5; также рис. 3, а–д). Плохо сохранилась, однако,

одиночная строчка знаков, врезанных в ребро левого края плиты, прикрывающей пол храма (см. рис. 6; также рис. 3, ж). Большинство знаков тут мелкие, не отличающиеся четкостью очертаний, а значит, и выразительностью. Часть знаков этой «периферийной» строчки как бы «слиплась» в обособленные группы, что затрудняет подсчет их числа и тем самым создает неуверенность в точности оценки информационного контекста этой короткой записи.

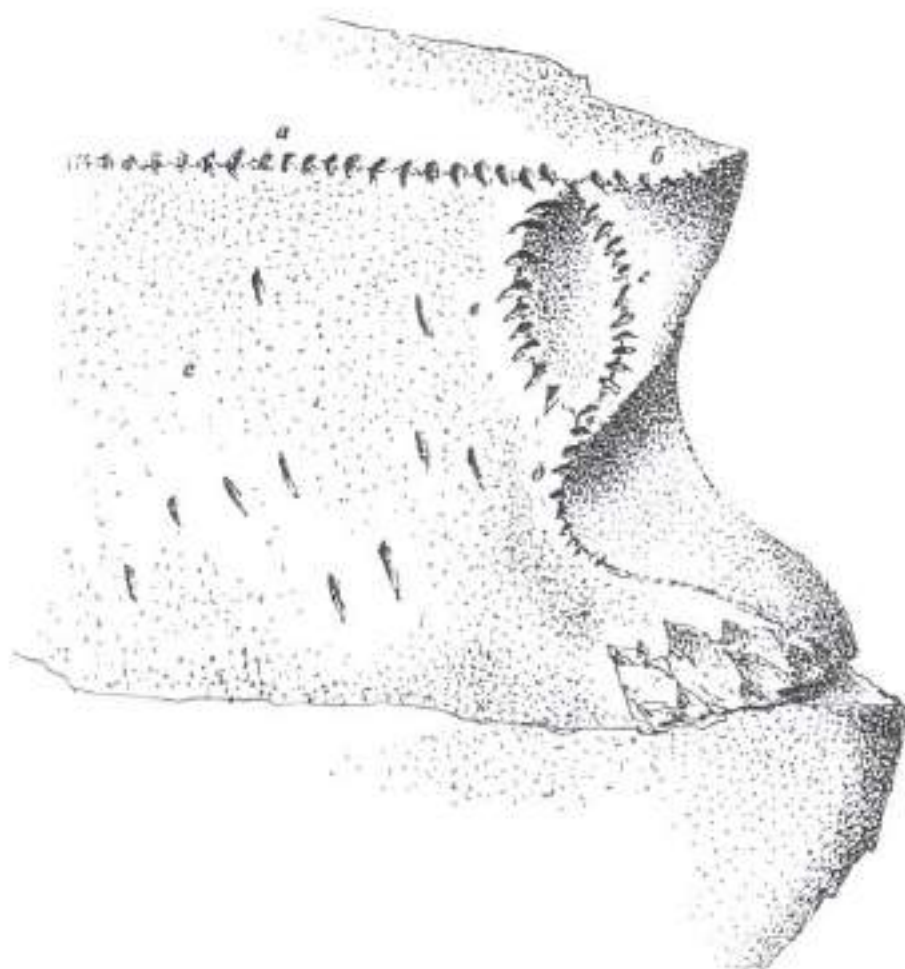

Рис. 5. Строчки знаков, приуроченных к ребрам восточной стенки храма

От *насечек* резко отличаются по виду косо ориентированные *нарезки*, размещенные на вертикальной плоскости правого отдела стенки, соседствующей с ее южной гранью (см. рис. 7; а также 3, е). Они узкие, не очень глубокие и рассредоточены так, что группировка их по блокам вызывает затруднение. Не менее сложно определиться и с порядком считывания этих знаков.

Обращаясь к арифметической оценке каждой из знаковых структур храма вновь заметим, что несколько неопределенным остался лишь подсчет количества *насечек* в строчке на левом краю плиты, прикрывающей пол. Ее составляли, видимо, около 30 знаков (см. рис. 6). Но такое заключение предварительное, оно требует уточнений. С подсчетом же количества косо ориентированных *нарезок* на поверхности правого отдела стенки не возникло проблем, ибо каждый из этих знаков просматривается четко. Всего их 10 (см. рис. 7).

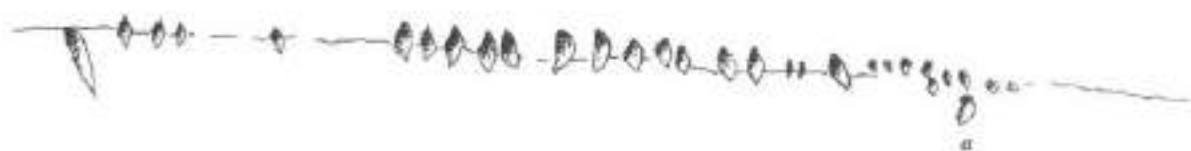

Рис. 6. Знаковая запись на ребре плиты, прикрывающей пол храма

Рис. 7. Косоориентированные насечки на восточной, вертикальной плоскости храма

Теперь перейдем к подсчету почти одинакового вида знаков, образующих *пять* отдельных строчек, которые вследствие близкого соседства воспринимаются *единым* *текстом* (рис. 8). Все они располагаются в зоне *восточной* стенки храма. Представим количество знаков в каждой из строчек и их пространственные позиции.

Рис. 8. Знаковый текст восточной стенки храма

99 знаков (рис. 8, а – 99; см. также рис. 4) – *верхняя*, горизонтально ориентированная, чуть изогнутая строчка, которая протянулась из глубины камеры от *северной* (тыльной) стенки ее на *Юг* до грани, обращенной к выходу. Знаки почти вплотную примыкают друг к другу и постепенно увеличиваются в размерах слева направо. Строчка начинается с двух обособленно размещенных нарезок, которые не отличаются правильностью очертаний.

8 знаков (рис. 8, б – 8) – *верхняя*, короткая, горизонтально ориентированная строчка, расположенная под тупым углом к строчке 99 и отделенная от нее массивным подтреугольным выступом (место стыка двух ребер стенки). Строчка 8 очерчивает верхний контур грани, обращенной в сторону Юга. Знаки здесь размещаются по линии, близкой азимуту *Запад–Восток*; последний (самый дальний, крайне восточный) знак восстановлен (он разрушен эрозией).

Остальные три строчки (рис. 8, в – 9; з – 12; д – 10; см. также рис. 5) ориентированы *вертикально*, т.е. в направлении *Верх–Низ*; их следует именовать *нижними*, ибо они располагаются *ниже* остроугольного выступа, разделяющего *верхние*, горизонтально ориентированные строчки 99 и 8.

Представим каждую из *вертикальных* строчек.

9 – тесно примыкающие друг к другу, вытянуто-овальные по очертаниям знаки образуют слегка выпуклую *влево* (в сторону *Запада*) дугу; *насечки* слегка варьируют в размерах (в центре они более крупные).

12 – знаки образуют чуть выпуклую *вправо* (в сторону *Востока*) дугу; они меньшего (по сравнению со знаками строчки 9) размера, но по очертаниям в общем сходны с ними. Большая часть знаков не соприкасается друг с другом; их разделяют разной протяженности участки ребра, лишенные *насечек*.

Строчки 9 и 12 образуют характерную фигуру вытянуто-овальных очертаний, *незамкнутую вверх*.

10 – знаки, размещенные по дуге, обращенной выпуклостью *влево* (в сторону *Запада*); строчка воспринимается исходящей из нижнего отдела вытянуто-овальной фигуры.

Итак, в пределах правой, обработанной сколами стенки храма размещаются *пять* строчек знаков, глубоко врезанных в мягкий песчаник. *Две* строчки, приблизительно ориентированные по азимутам *Север–Юг* и *Запад–Восток*, относятся к *верхним*, *горизонтальной направленности*, а *три*, ориентированные по линии *Верх–Низ*, к *нижним*, связанным с *ней*, *вертикальной плоскостью*, *обращенной в сторону Юга*.

При взгляде сверху на все *пять* строчек записи в общей, рисуночного вида композиции, которую они составляют, относительно легко распознается тело змееобразного существа, судя по аналогии с изображением подобного же вида фигуры, открытым в

астронисше Пятого Сундука, – *рогатого дракона*. Самая длинная из строчек, 99, представляет его *тело*; дугообразные строчки 9 и 12, образующие вытянуто-овальных очертаний фигуру, – *голову*; изогнутая влево строчка 10, размещенная ниже, – *язык*; прямая горизонтальная строчка 8, левый конец которой максимально сближен и с туловищем и с головой, – *рог*.

Тело дракона *нецелостное*. Оно подразделено (*рассечено!*) на *пять* четко обособленных частей, каждую из которых как раз и представляют строчки знаков. Отметим, наконец, еще одну важную и, надо полагать, семантически значимую деталь – *две* части, представляющие туловище, размещаются в плоскости *верхней, горизонтальной*, а *три* части, представляющие голову и язык, располагаются *ниже*, в плоскости, ориентированной *вертикально*. Отсеченная и к тому же как бы продольно разваленная на две почти равные половины (строчки 9 и 12) голова с языком смотрит *скатывающейся* вниз по уступам *южной* грани стенки.

Мифолого-теологический, космогонический и космологический аспекты семантики дракона

Теперь, по завершении детальной презентации структур сложно организованного знакового текста, который представляет собой *неразрывное единение чисел и образа*, приступим к его прочтению. Начнем с анализа фигуры дракона, ибо он вмещает в себя *все структуры текста* и задает должный тон и направленность всему последующему повествованию (см. рис. 8). Высоко значимое просматривается уже в самом подразделении фигуры на два главных, численно разных отдела: верхний составляют 2 подразделения (*горизонтально* ориентированные туловище и рог), а нижний – 3 (*вертикально* ориентированные части рассеченной вверху головы и язык). Числа эти в мифологического разряда нумерологии обладают значительной весомостью, представляя два *фундаментальных начала Природы* – *женское (2) и мужское (3)*. Их весомость определяется еще и тем, что эти базовые числа Мироздания, связанные, с одной стороны, с *Верхом и горизонтальностью (2)*, а с другой – с *Низом и вертикальностью (3)*, есть *начальные звенья золотого цифрового ряда Фибоначчи*, ибо они соотносятся друг с другом в *золотой (божественной красоты и совершенства) пропорции*:

$$2 : 3 = 0,6666\dots$$

Божественность существа, рассеченного на 5 частей (великое в нумерологии число, символизирующее с эпохи палеолита неразрывность единения мужского и женского начал, проявленного из Хаоса материального Мира (Ларичев, 1999), четко просматривается и в пространственных ориентациях телесных структур дракона. Затрагивая эту исключительной важности тему, обратим внимание на приуроченность фантастического облика существа к *восточной* (специально подработанной!) стенке храма, передняя грань которой обращена к выходу, на *Юг*. Пространственно ориентированы и части тела дракона – туловище приблизительно по азимуту *Север–Юг*, а рог приблизительно по азимуту *Запад–Восток*, что свидетельствует о связи этого существа с четырьмя *главными (кардинально значимыми)* точками Мироздания, определяющими его *всеохватывающую пространственность*, стержневой значимости *качественность*. *Объемность* же Мира призвана, вероятно, выразить ориентированность головы дракона в *ином, не горизонтальном, как туловище и рог, а вертикальном* плане – по линии *Низ–Верх*.

На *космичность* дракона намекают, наконец, *дугообразно* изогнутые туловище (*влево, на Запад*), края головы (*влево и вправо, соответственно на Запад и на Восток*) и язык (*влево, на Запад*). А все дело в том, что *изогнутость* (сторбленность) очертаний фигур сакральных (божественных, космических) воспринимается обычно намеком на связь их со светилом ночным – с *серпом* Луны, наглядным отражением идеи изменчи-

востии, непостоянства, смертности и неперменного возрождения (неуничтожимости) живого.

Справедливость изложенных оценок подтвердим тестированием чисел, отражающих количество знаков, которые составляют каждую из структурных компонентов тела дракона. Ведь они,

99 – 8 – 9 – 10 – 12; пять (число строчек),

представляют *уникальный* в наскальных композициях Алтае-Саянской горной страны *числовой* текст, как можно догадываться, – календарно-астрономического (в сущности, небесного, божественно значимого) содержания. Подтвердим эту интуитивную догадку специальным анализом.

Календарно-астрономическое тестирование чисел записи

99 – чуть изогнутая, *горизонтально* ориентированная строчка знаков; чрезвычайно высоко значимое в календаристике число, известное в жреческих кругах с эпохи верхнего палеолита (Ларичев, 1985). Возможны две-три календарные оценки этого числа, *определяемые разной весомостью каждого знака*.

1) Если этот знак есть символ *суток*, то строчка 99 представляет собой числовую запись $3 \frac{1}{3}$ *синодического* лунного месяца:

$$99 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 3,3524 \approx 3 \frac{1}{3} \text{ син. лун. мес.}$$

2) Если каждый знак есть символ *синодического лунного месяца*, то эта строчка представляет собой запись одного из самых известных в древней календаристике Ближнего Востока и Средиземноморья *лунных циклов*. Речь идет о знаменитом постулате: 99 син. лун. мес. соответствуют октаэтериде – *солнечному восьмилетию*. Иначе говоря, строчка 99 намекает на использование тагарцами комплексного лунно-солнечного календаря, позволяющего отслеживать *время по Луне*, но посредством интеркаляций (вставок в счетную систему дополнительных месяцев) *удерживать* это лунное время в рамках времени *солнечного*, точно определяющего *смену сезонов*.

В самом деле,

$$99 \text{ лун. мес.} \times 29,5306 \text{ сут.} = 2923,5294 \text{ сут.};$$

$$365,242 \text{ сут.} \times 8 = 2921,936 \text{ сут.}$$

И, значит, погрешность до идеального соответствия составляла всего лишь

$$2923,5294 \text{ сут.} - 2921,936 \text{ сут.} = 1,5934 \approx 1 \frac{2}{3} \text{ сут.}$$

3) Запись 99 лунаций отражает, кроме того, еще одно, не менее известное в календаристике Ближнего Востока временное соотношение, а именно лунаций, т. е. оборотов *Луны* (99), и *синодических* оборотов ярчайшей планеты Неба – Венеры (5).

В самом деле,

$$99 \text{ лун. мес.} \times 29,5306 \text{ сут.} = 2923,5294 \text{ сут.};$$

$$583,9 \text{ сут.} \times 5 \text{ оборотов} = 2919,5 \text{ сут.}$$

Как видим, погрешность до идеального соответствия составляла всего лишь

$$2923,5294 \text{ сут.} - 2919,5 \text{ сут.} = 4,0294 \text{ сут.}$$

Перейдем к анализу двух очередных чисел счетной системы храма – 8 и 5, четко подтверждающих точность извлеченной из числа 99 календарно-астрономической информации.

8 – *горизонтально* ориентированная строчка знаков, размещенная под тунным углом к *горизонтальной* строчке 99 и четко отделенная от нее остроугольным выступом. Это число чрезвычайно высоко значимо в календаристике; возможны его две календарные оценки, *определяемые разной весомостью каждого знака*.

1) Если этот знак есть символ суток, то строчка 8 отражает часть *синодического лунного месяца*. В сущности, это длительность главного в таком месяце периода, отделяющего одну из четырех основных фаз ночного светила от другой, очередной:

$$8 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,2709 = \frac{1}{4} \text{ син. мес.}$$

2) Если каждый знак есть символ *солнечного года*, то строчка 8 представляет собой запись *солнечного цикла* – октаэтериды, *восьмилетия*, длительность которого близка длительности 99 лунаций и 5 *синодических оборотов* Венеры, что было представлено в деталях при оценке календарно-астрономической значимости числа 99;

5 – это число определено в записи *не знаками типа насечек, а количеством строчек*, составляющих структуру *всего знакового текста* (99 – 8 – 9 – 12 – 10); 5 – чрезвычайно высоко значимое в календаристике и *календарной теогонии* число; возможны его три календарные оценки, *определяемые разной весомостью каждого знака*.

1) Если этот знак есть символ суток, то 5 строчек знакового текста представляют собой запись временного периода, близкого *1/5 драконического* (затменного) лунного месяца:

$$5 : 27,2122 \text{ сут.} = 0,1837 = \frac{1}{5} \text{ драконич. мес.}$$

Сопоставимость 5 суток со временем драконическим, возможно, следует оценивать как *скрытый намек на сущность* образа, запечатленного всеми 5 строчками знакового текста.

2) 5 суток могут быть *эпагоменами*, «*благой (священной) пнтерицей*», которой допояняли в древности год; продолжительность которого принималась равной 360 сут. (в Египте – год бога времени Тота; в Европе – кельтский (майский или «сельский») год; на Ближнем Востоке – «хозяйственный год»). Число 5 в качестве *эпагомен* заключает в себе и космогонико-теологический смысл, ибо *каждый из таких дней посвящался одному из 5 великих божеств, которые определяли судьбоносное течение событий во Вселенной и сообществах людей*; эти 5 дней находились в личном распоряжении Тота. Думаю, 5 частей расчлененного Змия (образ высшего ранга божества) как раз представляли *образно 5 отдельных великих божеств*, которым посвящались дни эпагомен. Иначе говоря, 5 великих божеств составляли единого (изначального!) Бога, числовое олицетворение Мироздания.

3) Если каждый знак есть символ синодического оборота Венеры, то 5 строчек числового (и образного!) текста представляют собой запись *планетарного цикла*, длительность которого близка длительности 99 лунаций и октаэтериды, *солнечного восьмилетия*, что и было представлено в деталях при оценках календарно-астрономической значимости чисел 99 и 8.

В заключение замечу, что числа 5 (Венера) и 8 (Солнце), как и упомянутые ранее числа 3 и 5, соотносятся друг с другом в золотой пропорции, представляя очередные члены знаменитого ряда Фибоначчи:

$$5 : 8 = 0,625.$$

Подводя итог всему изложенному, можно констатировать следующее: *горизонтально ориентированные строчки 99 и 8, а также число 5, отражающее количество структур в знаковом тексте, есть, в сущности, образно-числовая запись фундаментальной в календаристике формулы:*

$$99 \text{ син. лун. мес.} = 8 \text{ солн. годам} = 5 \text{ син. об. Венеры}$$

Финальную часть знаковой записи представляют числовые блоки *вертикально ориентированных строчек*, которые определяют контуры головы дракона, а также его язык:

$$9 - 12 - 10.$$

Проведем тестирование каждого из чисел.

Строчка 9. Если каждый знак есть символ суток, то с наибольшей вероятностью эта строчка представляет собой часть лунного месяца, но не *синодического* (ему число 9 некратно), а *сидерического*, «звездного» месяца (он отражает динамику кругового сме-

шения Луны относительно не Солнца (фазовый, *синодический* месяц), а *звездного фона* Неба).

В самом деле,

$$9 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 0,3294 \approx \frac{1}{3} \text{ сид. лун. мес.}$$

Строчка 10. Если каждый знак есть символ суток, то с наибольшей вероятностью эта строчка представляет часть *синодического* месяца.

В самом деле,

$$10 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,3386 \approx \frac{1}{3} \text{ син. лун. мес.}$$

Строчка 12. Если каждый знак есть символ суток, то эта строчка *не отражает* длительности периода, кратного *синодическому* или *сидерическому* вариантам лунного месяца. Однако суммирование этого числа со знаками строчек 9 или 10 позволяет получить числа, приблизительно кратные в первом случае – *сидерическому*, а во втором – *синодическому* лунным месяцам (тончайшее, в пределах длительности 1 суток, разграничение!).

В самом деле,

$$12 + 9 = 21; 21 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 0,7686 \approx \frac{3}{4} \text{ сид. лун. мес.};$$

$$12 + 10 = 22; 22 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,7449 \approx \frac{3}{4} \text{ син. лун. мес.}$$

Но следует отметить, что число 22 кратно также и *сидерическому* обороту ночного светила, составляя, однако, *иную* дробную часть *звездного* месяца.

В самом деле,

$$22 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 0,8052 \approx \frac{4}{5} \text{ сид. лун. мес.}$$

Обратим, наконец, внимание на еще одну великую астрономическую значимость чисел 21 и 22: они примерно определяют длительность эпохи лунного затмения, т. е. времени подхода Луны к узлу своей орбиты (к точке пересечения своего пути с эклиптической, маршрутом смещения Солнца на фоне звезд) и отхода от узла, когда, оказавшись в эту пору ночное светило в фазе полнолуния, оно могло попасть в тень Земли, т. е. затмиться. Такая оценка чисел 21 и 22, *связанных со знаками головы дракона*, позволяет увереннее трактовать его существом ужасающе страшным – вечно нацеленным на одно: проглотить то или другое светило и свергнуть Космос в блаженное для себя состояние Хаоса.

Помимо сказанного, знаковая запись

$$9 - 12 - 10$$

позволяла (при должной последовательности совмещения чисел) считать *два варианта* продолжительности *синодического* лунного месяца, которые обычно использовались в традиционных календарных системах I тыс. до н. э. для *автоматической «ликвидации»* дробной части суток (последовательное чередование длительности месяцев – 29 → 30):

$$10 \rightarrow 9 \rightarrow 10 \text{ сут.} = 29 \text{ сут.}$$

$$9 \rightarrow 12 \rightarrow 9 \text{ сут.} = 30 \text{ сут.}$$

В заключение обратимся к тестированию значимости суммы всех *насечек*:

$$99 + 8 + 9 + 12 + 10 = 138.$$

Если каждый знак есть символ суток, то их сумма представляет собой *впечатляющей точности запись* $\frac{4}{3}$ *синодического* лунного месяца.

В самом деле,

$$138 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 4,6731 = \frac{4}{3} \text{ син. лун. мес.}$$

Значимость же всех знаков, *включая число строчек*,

$$99 + 8 + 9 + 12 + 10 + 5 = 143$$

при том же условии (каждый знак – символ суток) представляет *впечатляющей точности* цикл *драконических (!)* месяцев.

В самом деле,

$$143 \text{ сут.} : 27,2122 \text{ сут.} = 5,2549 = \frac{5}{4} \text{ дракон. мес.,}$$

что, возможно, опять намекает на сущность образа, запечатленного знаками и строчками (ораконостность, затменность змеевидного существа, носителя угрозы смерти).

Проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод: знаковый текст, зафиксированный на ребрах восточной стенки храма, представляет собой алгоритмического типа запись, календарно-астрономический характер которой неоспорим. Уверенность в справедливости такого заключения придает блестящий аналог тагарской системе счисления времени, а именно известный в жреческих кругах Среднего и Ближнего Востока, а также античного Средиземноморья календарно-астрономический канон, определяющий «стыковку» периодов обращений трех величайших светил Неба — Луны, Солнца и Венеры:

$$99 \text{ син. лун. мес.} = 8 \text{ солн. годам} = 5 \text{ син. об. Венеры.}$$

Эта знаменитая в истории календаристики формула бесконечного повторения одного и того же периода времени, открытая теперь в Хакасии, не может восприниматься иначе, как свидетельство использования тагарским жречеством комплексного, циклического по характеру лунно-солнечного календаря, разработка которого приписывается жречеству древнего Вавилона и греческому астроному Клеострату Тенедосскому (VI в. до н. э.; европейская историческая традиция приписывает ему авторство наименования зодиакальных созвездий Овна и Стрельца). В этой связи напомним, как именно считывали на крайнем западе Азии и на юге Европы месяцы в течение священной октаэтриды, восьмилетия. Жрецы Вавилона и Клеострат Тенедосский длительность первых 48 из 99 месяцев принимали равной 29 суткам (так называемые «пустые» месяцы), а продолжительность каждого последующего 51 месяца брали за 30 суток (так называемые «полные» месяцы). Добавочные (интеркаляционные) месяцы вводились в счетную систему восьмилетия в 3, 5 и 8 его годы. Такого рода календарные установки, результат наблюдений за светилами и соответствующих расчетов, сводили несовпадение времени лунного и солнечного в течение 8 лет к 1,53 сут., а за 16 лет примерно к 3 сут., т. е. к периоду, близкому максимальной длительности новолуния (или длительности наблюдения невооруженным глазом любой из остальных трех главных фаз Луны — двух четвертей и полнолуния).

Вертикально ориентированные строчки 9, 12, 10 как раз и позволяют, при соответствующем порядке их считывания, получать короткий («пустой») и чуть более длинный («полный») варианты продолжительности синодического месяца, что и было представлено выше (соответственно $10 \rightarrow 9 \rightarrow 10$; $9 \rightarrow 12 \rightarrow 9$). Это можно воспринимать как запись правила счисления времени тагарцами в течение 99 лунаций с непрерывной интеркаляцией дополнительного месяца в 3, 5 и 8 годы октаэтриды.

Реконструкция календарей тагарской культуры

Теперь настала пора сделать решающий в «прочтениях» шаг — восстановить конкретные разновидности календарей, которые тагарцы использовали в быту для определения порядка исполнения кульгово-ритуальных действий, расчетов затмений, отслеживания циклов движения светил и сопоставления их. Иначе говоря, речь идет о вычлениении из многострочного храмового текста подходящих «матриц времени».

При восприятии всей храмовой записи в качестве календарной счетной системы алгоритмического типа возможно конструирование нескольких вариантов счисления времени по Луне и Солнцу.

1. Счисление времени по Луне «сезонными» блоками, когда длительность «сезона» определяли 4 синодических лунных месяца ($1/3$ лунного года); в таком случае в счетную систему следовало подключать три строчки записи — самую протяженную, горизонтальную (99) и две короткие, вертикальные (9 и 10):

$$99 \text{ сут.} + 9 \text{ сут.} + 10 \text{ сут.} = 118 \text{ сут.};$$

$$118 \text{ сут.} \times 3 = 354 \approx 354,367 \text{ сут.}$$

2. Счисление времени по Луне полугодовыми блоками; в таком случае в счетную систему сначала подключались все *пять* строчек записи, а затем *четыре* из них (без самой продолжительной 99) (в сутках):

$$(9 + 10 + 12 + 8 + 99) + (9 + 10 + 12 + 8) = 177;$$

$$177 \text{ сут.} \times 2 = 354 \approx 354,367 \text{ сут.}$$

3. Счисление времени по Солнцу блоками, каждый из которых составлял приблизительно $\frac{1}{3}$ года (примерно 121 сутки); в таком случае в счетную систему вводились три следующие структуры:

$$99 \text{ сут.} + 12 \text{ сут.} + 10 \text{ сут.} = 121 \text{ сут.};$$

$$121 \text{ сут.} \times 3 = 363 \approx 365,243 \text{ сут.}$$

4. Счисление времени «сезонами» лунно-солнечного календаря, когда длительность «сезона» определяли 120 суток ($\frac{1}{3}$ лунно-солнечного года кельтского (майского или «сельского») типов, а также года бога Тот); в таком случае в счетную систему следовало подключать *три* строчки записи – самую протяженную, горизонтальную (99) и две короткие, вертикальные, которые определяют контур головы дракона (9 и 12):

$$99 \text{ сут.} + 9 \text{ сут.} + 12 \text{ сут.} = 120 \text{ сут.};$$

$$120 \text{ сут.} \times 3 = 360 \approx 359,8045 \text{ сут.},$$

5. Счисление времени по Солнцу; в счетную систему лунно-солнечного календаря, представленного выше, следовало подключить *эпагомены*, 5 дополнительных (божественных!) суток (5 частей расчлененного тела дракона); это делалось, по-видимому, по завершении счисления 360 суток:

$$(120 \text{ сут.} \times 3) + 5 \text{ сут.} = 365 \approx 365,242 \text{ сут.}$$

Это были те 5 дней, которые держал для себя про запас Тот, древнеегипетский бог Времени, мудрости, письма и счета.

6. Поскольку расшифровка знаковой записи засвидетельствовала внимание тагарского жречества к синодическим оборотам ярчайшей из планет – Венеры, представим наиболее подходящий вариант считывания этого шикла. В счетную систему следовало подключить *все пять строчек записи* и после четырехкратного прохода по ним завершить считывание периода проходом по знакам трех коротких, вертикально ориентированных строчек (в сутках):

$$[(9 + 10 + 12 + 8 + 99) \times 4] + (9 + 10 + 12) = 583 \approx 583,9 \text{ сут.}$$

7. Знаковый текст храма позволяет реконструировать календарь беременности женщины, наличие которого в наборе «бытовых счетчиков времени» тагарцев весьма вероятно; в счетную систему следовало подключать *все пять строчек записи* и после *двукратного* прохода по ним завершить считывание учетом числа строчек в записи (5) (в сутках):

$$[(9 + 10 + 12 + 8 + 99) \times 2] + 5 = 281.$$

что и есть *энциклопедически точный* срок беременности женщины:

$$281 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 9,5155 \approx 9\frac{1}{2} \text{ син. лун. мес.}$$

В заключение остается решить вопрос предназначения двух знаковых записей храма, которые размещаются *вне пятистрочной фигуры расчлененного тела дракона*, – приблизительно 30 (см. рис. 6) и 10 (см. рис. 5). Строчка из примерно 30 насечек на левом краю плиты, прикрывающей пол храма, в плане образном воспринимается изображением небольшой змеи. Что касается календарно-астрономической значимости этой фигуры, то с наибольшей вероятностью по ее знакам считывались два варианта *синодического лунного месяца*

$$29 \rightarrow 30,$$

с условием, что знак *a*, выведенный за пределы строчки, выполнял роль *факультатива*, который в первом случае не включался в счетную систему (29 сут.), а во втором – подключался (30 сут.).

Сказанным, однако, значимость строчки 30, возможно, не ограничивалась. В этой связи обращаю внимание на то, что суммирование числа знаков, составляющих фигуру дракона (*138 насечек + 5 строчек = 143*), с числом знаков, составляющих тело малой змеи (*30*), дает высоко календарно-астрономически значимый результат – половину продолжительности драконического (*затмненного!*) года, определяющего временную закономерность смещения *Солнца* по эклиптике относительно *узлов лунной орбиты*.

В самом деле,

$$143 \text{ сут.} + 30 \text{ сут.} = 173 = 173,3 \text{ сут.},$$

удвоение чего и выводит на календарный рубеж, близкий продолжительности *драконического года*:

$$173 \text{ сут.} \times 2 = 346 \approx 346,62 \text{ сут.}$$

Следовательно, записи *143* и *30* могли, быть может, использоваться жрецами для отсчета *драконических циклов времени* с целью вычисления времени наступления затмений – лунных и солнечных.

Календарная значимость числа *10* (в данном случае – количество нарезок на вертикально ориентированной поверхности правого отдела восточной стенки (рис. 5, *e* и рис. 7) уже определялась ($0,3386 \approx \frac{1}{3}$ *син. лун. мес.*). К этому добавим, что такое число суток близко интеркаляционному периоду, который обычно подключается в счетную систему по окончании лунного года для выравнивания времени лунного с временем солнечным (11 суток, что, кстати, есть половина эпохи лунного затмения, когда при полнолунии ожидалось затмение):

$$354 \text{ сут.} + 10 \text{ сут.} = 364 \approx 365,242 \text{ сут.}$$

Не исключено, однако, что запись из *10* знаков использовалась в другом варианте счисления времени, а именно с целью достижения *большой точности счисления времени прямо по Солнцу*. В этой связи обращаю внимание на то, что суммирование *всех знаков, размещенных в пределах камеры храма*, дает высоко календарно-астрономически значимый итог – *половину продолжительности солнечного года*.

В самом деле,

$143 \text{ сут. (знаки дракона)} + 30 \text{ сут. (знаки малой змеи)} + 10 \text{ сут. (нарезки)} = 183 \text{ сут.}$, удвоение чего и выводит на временной рубеж, куда более близкий продолжительности *солнечного года*, чем предложенная выше «сезонная» (*121 сут.*) формула:

$$183 \text{ сут.} \times 2 = 366 \approx 365,242 \text{ сут.}$$

Следовательно, *все без исключения знаки записи, размещенной в храме*, могли использоваться жрецами для счисления *солнечного года*. Такой вывод весьма соблазнителен, ибо он, демонстрируя глубокую продуманность, предельную рациональность и *теснейшую взаимосвязь друг с другом всех без исключения структур храмового текста*, подтверждает достоверность каждого шага его расшифровки.

Итак, в ходе тестового анализа знаковой записи *оказались гармонично задействованными все без исключения компоненты ее структуры (строчки)*, что есть, надо полагать, *свидетельство верности понимания всего числового текста*.

Подведем кратко итоги анализа числовых записей, которые составляли части тела Гигантского Змия (дракона), «Малой змеи» и группы из 10 знаков. Прежде всего, оценим саму по себе исключительную значимость храма, внутри которого были размещены строчки небольшого, но предельно насыщенного информацией знакового текста. Этот храм заслуживает определения в качестве хранилища знаний высочайшей ценности, как своего рода библиотеки с книгами по астрономии, календаристике и космогонико-космологической мифологии жречества тигарской культуры Северной Хакасии. Учитывая сказанное, можно сделать вывод, что храм функционировал, видимо, как своеобразный учебный центр, в котором обретали должные знания те, кому предстояло исполнять культово-ритуальные действия в среде соплеменников. Храм видится мне подобием «Дома Жизни» жречества Древнего Египта, в котором хранилось самое сокровенное для отправления соответствующих служб.

Но то был и храм, который, видимо, «работал» так же, как храм бога Солнца Амова-Ра в Карнаке, согласно описаниям Н. Локьера; лишь в зимнее время, когда дневное светило в начале последней декады декабря (зимний солнцеворот!) заходило на юго-западе ближе всего к Югу, лучи почти «умершего» (предельно ослабленного) Солнца освещали полностью внутреннюю часть храма, выводя из тени на свет тело дракона. Ведь в «залу» храма, определенным образом ориентированную на Юг и прикрытую выдвинутым в ту же сторону козырьком потолка, никогда, судя по всему, не проникали лучи летнего (июньского) Солнца, которое поднималось в ту пору над Югом на самую значительную высоту, а заходило и восходило ближе всего к Северу, т. е. в стороне, противоположной входу в храм (дракон, можно сказать, «прятался» в тени козырька, опасаясь набравшего сил светила). Возможно, в дни зимнего солнцестояния внутренняя часть храма освещалась Солнцем весь день от восхода до заката.

Записи, укрытые в храме Грудь-Горы от страшных опасностей всесокрушающего Времени, представляют собой *энциклопедического типа и пифагорейского стиля компендиум достижений интеллектуалов эпохи раннего железного века Сибири*. Особо сильное впечатление производят короткие, алгоритмического стиля числовые тексты, позволяющие отслеживать Время по Луне, Солнцу и циклам смещения Венеры относительно дневного светила. Ясно, что в этих алгоритмах следует отыскивать постулаты ритма жизни ранних кочевников, Бытия их земного и потустороннего, каноны религии, астральный (лунно-солнечный и планетарный) характер которой представляется мне бесспорным.

Разумеется, точная идентификация этой религии – сюжет для специальной, значительного объема публикации, ибо столь принципиальное повествование потребует привлечения дополнительных материалов, накопленных в ходе исследований Сундуков. Поэтому выскажу пока лишь идею: это была, думаю, религия *зервано-зороастрийского толка*, базовую (философскую!) основу которой составляло соответствующее восприятие Времени, *высшего ранга божества Мироздания*, облик которого, как мне представляется, был запечатлен внутри храма. Это божество – *Зерван*, порождало мир упорядоченного Космоса (видимый глазами и воспринимаемый чувствами материальный Мир), когда рассекалось на пять частей, но оно было и постоянной угрозой для Мироздания, ибо неизменно нацеливалось на поглощение главных его светил, Солнца и Луны (намек на это отчетливо прослеживается в затменных аспектах календарных систем храма), что и позволяло богу Времени воссоединять в единое свое драконическое тело и, тем самым, погружать материальный мир в нечто мертвое, недвижимое, в Хаос.

В заключение замечу, что «Храм Времени» Грудь-Горы есть лишь часть триединого культово-религиозного и обрядового центра долины Белого Июса в зоне Сундуков. В него входили впечатляющее святилище с наскальными изображениями тагарского стиля, расположенное вблизи (чуть выше по склону); астропункт – огромная плита, установленная под углом к поверхности земли вблизи храма (ниже по склону, на мысу; от плиты велись наблюдения за восходами и заходами светил); расположенный северо-восточнее храма алтарь с изображениями трех Солнц и двух серпов Луны; и, наконец, огромный тагарский могильник, оконтуривающий западный склон Грудь-Горы. В контексте всего этого и следует в последующем анализировать значение и роль «Храма Времени» в священнодействиях жречества кануна гуннских погромов на юге Западной Сибири.

Такой парадоксальный (в подражание стилю Н. Локьера) вариант работы с материального и астрально-календарного характера источниками я предлагаю, чтобы, показав вдохновляющую прелесть изучения интеллектуального мира предков, начать избавление археологии от тяготы вещизма и всякого вида пиготов, воинственно нетерпимых к инакомыслию в самой увлекательной из отраслей исторической науки; начать мучительный исход из «Страны слепых» с ее сомнительной ценности «Великой мудростью» и бесчеловечной установкой ее служителей – «Видеть – это ужасно»; исход, чтобы, преодолев препятствия, достигнуть когда-нибудь границ «Страны зрячих», с ее многокрасочным миром света, разума и духовности.